

63.3(543)

И 90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА)

Под редакцией

Б.Г.Гафурова и Б.А.Литвинского

244145

Центральная городская
БИБЛИОТЕКА
г. Ташкента

ПОДАРИТЕЛЬНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЕРГАНЫ

Наличие сводных работ по этнической истории Ферганы, принадлежащих перу Ю. А. Заднепровского [42; 43], избавляет от необходимости сообщать весь имеющийся материал и рассматривать все аспекты темы. Мы собираемся проанализировать лишь некоторые уловые моменты этнической истории Ферганы, тем более что в понимании их значительно расходимся с Ю. А. Заднепровским.

Свою концепцию этногенетических процессов, протекавших в Фергане в эпоху развитого и позднего бронзового века, мы уже излагали [83].

Следующий период — VII—III вв. до н. э. — в части этногенеза чрезвычайно сложен. Наука располагает значительным археологическим и палеоантропологическим материалом, но сведения письменных источников почти полностью отсутствуют. Некоторые ученые связывают с Ферганой *париканиев*, упомянутых Геродотом в числе жителей X и XVII податных округов Ахеменидского государства. С развернутым обоснованием идеи о локализации геродотовых париканиев в Фергане выступал Э. Херцфельд¹, к уравниванию париканий — жители Ферганы относятся (обычно со ссылкой на Э. Херцфельда) и некоторые другие ученые, как зарубежные [например, 120, стр. 163—164, 123, стр. 128; 164а, Sp. 1482—1483 и др.], так и отдельные советские, в частности К. В. Тревер [112, стр. 108—109], А. Н. Бернштам [12, стр. 7] и Ю. А. Заднепровский. Последний подробно, хотя и не без неточностей, изложил гипотезу Э. Херцфельда по-русски [43, стр. 196—198]. Вместе с тем в зарубежной и советской научной литературе высказывалась и точка зрения относительно невозможности помещения париканиев в Фергану. Среди стоящих на этой позиции ученых — И. М. Дьяконов [41, стр. 338 прим.

4], В. М. Массон [86, стр. 144] и др. Мне в связи с критикой положений Ю. А. Заднепровского также приходилось высказывать свое отрицательное отношение к этой гипотезе [76, стр. 266—267].

Действительно, в античных источниках² париканий, парияний (и пропущенные Ю. А. Заднепровским барианий) фигурируют неоднократно, но доказательства того, что они локализовались именно в Фергане, отсутствуют. Так, Ю. А. Заднепровский пишет: «У античных авторов рубежа н. э. Плиния (Nat. Hist., VI, 16) и Помпония Мелы (De Chorographia, I, 13) вновь упоминаются париканий и парияний (Pariani), очевидно тождественные париканиям Гекатея — Геродота в перечне народов, обитавших на северо-востоке Средней Азии. По сведениям Помпония Мелы (42 г. н. э.), парияне помещались на Яксарте, к северу от согдийцев и бактрийцев, и, следовательно, в Ферганской долине» [43, стр. 197].

Свое утверждение о помещении париян Помпония Мелы на северо-восток Средней Азии Ю. А. Заднепровский подкрепляет ссылкой на мнение В. Тарна. Действительно, в книге Тарна (всего один раз) говорится о париканиях, но не Помпония Мелы, а Плиния, причем среди тех народов, которые (как считает Тарн) Плиний «не знал, где поместить». При этом Тарн сопровождаёт париканиев пометой: обычный взгляд — в Гедрозии, по Херцфельду — в Фергане [190, стр. 285]. Что же касается париканиев Гекатея, то все исследователи, в том числе и Э. Херцфельд, локализуют их в Иране [160, стр. 83, прим.; 164а, Sp. 1482; однако ср. 163, стр. 329].

Рассмотрим, какие основания имеет отнесение париканиев Плиния и Помпония Мелы на северо-восток Средней Азии.

У Плиния (VI, 18, 49) собственно париканий

¹ Впервые — в [185, 23—24], в последний раз — в своей посмертно опубликованной работе [163, стр. 329—330].

² Сведения карты Кастория — иначе Tabula Peutingeriana (Castorius, Segm. XII, 3). Об этом источнике см. [99, стр. 100 и сл.; 111, стр. 520—521; 176].

(Pāricāni) лишь упоминаются — без какой-либо связи с Ферганой. Они помещены в перечне между гандхарами (Gandari) и зарапгами (Zarapgae).

У Помпония Мелы парииани (Pariani) перечисляются между гандхарами (Gandari) и бактрами (Bactri). Исходя именно из этого, а также своего понимания данных карты Кастория, Маркварт решил, что следует сопоставлять этноним Pāricāni не с долиной Ферганы на Сырдарье, а с гораздо менее известной долиной «Фергана», которая упомянута у Табари при описании событий 91 г. х. Маркварт пришел к заключению, что эта долина находилась в Северном Афганистане, между Багланом и Ишкам-шем. Помимо среднеазиатской Ферганы (упомянутой ранее североафганистанской) И. Маркварт указал также на Фергану в Фарсе со ссылкой на Якута³. Именно с Ферганой Фарса он связывал сообщение Гекатея. Маркварт также указал в этой связи на город *Paṛaḥaḥāḡ*, который Птолемей помещает в Арейе. Что же касается париканиев Геродота, то Маркварт считал их совсем другой группой, которую нужно связывать с Pārič (173, стр. 514—515, прим. 136), Pāričān — горным племенем в Кермане, известным для времени раннего средневековья (174, стр. 31)⁴.

К сожалению, мало что проясняет и этимология слова «парикание». Обычно его производят от авестийского *parikā* (132, стр. 863—864), причем некоторые лингвисты реконструируют еще более древнюю форму **pariyakā*. Название племени, как отмечает Ф. Альхайм, мало отличалось от авестийского прототипа. В Авесте слову *parikā* придавалось следующее значение: гетеры, женщины невиданной красоты, злые феи, в образе которых сохранилось воспоминание о доэранском населении, по В. Гейгеру, жившем на территории Афганистана (149; 120, стр. 163—164; 124, стр. 106—107; 131, стр. 863—864; 160, стр. 100, прим. 3; 173, стр. 515, прим. 136; 187, стр. 11). В этом слове, по мнению И. Шарпентье, есть оттенок «чужеродности» (137, стр. 79), в связи с чем Э. Херцфельд высказывал предположение, что, употребленное как этноним, это слово должно было иметь значение (примерно) «народ из-за рубежа, чужестранцы»

[162, стр. 713]⁵. Недавно авторитетный лингвист Р. Шмит высказал мнение, что «имя париканиев, вероятно, доарийское» (185а, стр. 137, прим. 156).

Остается лишь один довод Э. Херцфельда — извлеченная из пехлевийского сочинения «Бундахшин» фраза: «Ходжентская река течет между Самаркандом и Парканом, ее называют Якшарт». Э. Херцфельд рассматривал слово *parkān* в этом тексте как некую промежуточную форму между греческой *Παρκάνιος* и арабо-персидской «*Фаргане*» (160, стр. 100, прим. 3). Однако шаткость и этого довода несомненна: как известно, в среднеперсидской письменности один и тот же знак служил для обозначения и звука «п», и звука «ф» (102, стр. 22—25; 184, стр. 254—255). Следовательно, соответствующее слово в «Бундахшине» может читаться и как «Паркан», и как «Фаркан». Правильность второго чтения подтверждается написанием этого наименования в согдийских документах с горы Муг. В. А. Лившиц реконструирует древнее название Ферганы как **Faṛ(a)gana* или **Fragāna*. По авторитетному заключению В. А. Лившица, др.-ир. **Parikāna* не могло отразиться в согдийском как *βγṛ'ṇ*. Он заключает, что с точки зрения лингвистической сопоставления Ферганы с париканиями должно быть отвергнуто [64, стр. 85].

Итак, эта гипотеза не имеет никаких оснований в данных письменных источников⁶ и опровергается данными лингвистики.

⁵ См. также последнюю этимологию Э. Херцфельда — **paraka* — «вдоль (реки)» [163, стр. 330]. В арамейских подписях на предметах из Персепolia встречаются слова *prk*, *prkn*, *hst*, которые названы *byrt'*, т. е. крепости. Г. Камерон помещал их в Арахоси [136а, стр. 55; 136б, стр. 162—163]. Р. Боуман, посвятивший этим текстам специальную публикацию, выдвинул гипотезу о ритуальном значении надписей и в соответствии с этим слово *prkn* переводил «размечать, превращать в пороки» [13а, стр. 74, № 2—5, 13—15 в пр.]. М. Н. Боголюбов отвергает это толкование (1973, стр. 172—177), аналогично и мнение В. А. Лившица. В эламских табличках крепостной стены Персепolia четыре раза фигурирует наименование *Barrikana* [15а, № 1392, 1393, 1495]. Сопоставив все это с данными Геродота (VII, 68 и 86), П. Бернар совершенно справедливо утверждает, что эти парикании располагались в Арахоси.

⁶ Есть еще один довод, приведенный Ю. А. Заднепровским, а именно упоминание страны *Prakanva* в труде древнеиндийского ученого Панини. Эту страну некоторые современные исследователи труда Панини сопоставляют с париканиями и Ферганой (119, стр. 37, 49 — со ссылкой на Стена Конова). Полагая, что Панини жил в середине V в. до н. э., Ю. А. Заднепровский указывает, что «широкий географический кругозор Панини, весьма вероятно, объясняется знакомством его с источниками, которые были частично известны и его современникам. Которые... совпадение сведений двух совершенно разных и независимых друг от друга источников, как нам представляется, служит веским доказа-

³ Как указывает этот исследователь, в сочинении арабского географа Ибн Хордадбега для этого района упоминается топоним «*биреан*» (правда, в искаженной форме). Он встречается и в других источниках, в том числе у Бируни, — см. замечания В. Мниорского [164, стр. 338—339]. Сводку данных письменных источников см. [164а, Sp. 1482—1483].

⁴ Нельзя считать убедительным довод, которым пытаются парировать эти возражения Э. Херцфельд в своей работе: «Но единственной важной областью с этим именем является Фергана на верхнем Якшарте» [163, стр. 329].

Историческим фоном утверждений о тождестве париканьев с населением Ферганы является представление, что Фергана входила в состав Ахеменидского государства. Однако это представление вызывает сомнения (или даже отвергается) авторитетными исследователями [см., например, 86, стр. 144; 106, стр. 203; 190, стр. 83, 474—476], поскольку оно не подтверждается прямыми свидетельствами. Более того, даже включение более западной, чем Фергана, области Уструшана в число ахеменидских владений также еще не доказано [74, стр. 528].

Приписывание власти над Уструшаной Ахеменидам основано лишь на факте существования в этой области города Кирасхаты — Кирополя. Однако проведенный Э. Бенвенистом лингвистический анализ этого топонима привел к интересным и важным выводам. Исследователь считает, что первая часть названия «Кирасхата» — это «Кир» (которое в те времена должно было звучать «Куру» или «Куруш»), вторая же — видоизмененное «када» (др.-вр. «поселение»).

Таким образом, этот пункт в древности должен был именоваться Куру-ката (Куруш-ката). Греки не знали этого древнеиранского слова и по образцу Александрии Эсхаты стали называть город «Кир-Эсхата». Подтверждение своей точки зрения Э. Бенвенист видит в наличии пункта Куркат в средневековой топонимике Уструшаны [134, стр. 163—164]. Независимо от Бенвениста сопоставление «Кирасхата» и «Куркат» предлагал В. Р. Чей-

лытко, но отрицал Н. Н. Негматов [90, стр. 18; 114] ⁷.

Общий вид реконструируемого Э. Бенвенистом наименования Курукада бесспорен, так же как этимология второй части слова. Для первой же его части (*куру*) предлагались и другие объяснения. Для нас существенно, что вообще топонимы, варьирующие *kur*, *kuri*, *kurū*, весьма распространены, однако этимология их остается, по мнению В. Айлерса, неясной, и окончательное решение этой проблемы пока находится за пределами наших сегодняшних знаний [144, стр. 180—236, 235]. Распространенность слова *куру* в топонимике сама по себе вызывает сомнения в бесспорной связи названия Кирасхаты — Курукаты с историческим Киром Великим. Возможно, название этого города было связано с одним из племенных наименований «Куру», отраженным в древнеиндийском эпосе и в этнопонимике Восточного Туркестана и, очевидно, представленном также в древней Средней Азии ⁸ [109, стр. 199; 149, стр. 39—41; 167, стр. 56; 169, стр. 64—66; 170, стр. 612—613].

В этом плане вывод таков: письменные источники, равно как и лингвистический анализ, не дают оснований утверждать, что Фергана (или даже более западная Уструшана) входила в состав Ахеменидского государства. Характер ферганской материальной культуры, в частности керамики, резко отличен от той, которая представлена в областях, бесспорно входивших в состав империи Ахеменидов или в сферу ее культурного влияния. Как справедливо отмечает Н. Г. Горбунова, «скорее всего Фергана оставалась за пределами Ахеменидской державы, о чем свидетельствует и некоторая обособленность ее социально-экономического и культурного развития» [33, стр. 14—15; 34, стр. 120—121].

Итак, наше заключение сводится к следующему: 1) Фергана не входила в состав государства Ахеменидов; 2) парикании письменных источников не являлись жителями Ферганы.

теством правильности локализации париканьев в Фергане» [43, стр. 197]. Однако точное время жизни Панини не установлено, обычно помещают его между второй половиной VI — первой половиной IV вв. до н. э., приводится (реже) и III в. до н. э. (о датировке помимо труда Агравалы см. [36, стр. 68; 47 стр. 25; 105, стр. 8; 136, стр. 48—50; 165, стр. 7; 180, стр. 113; 183, стр. 97], причем авторы капитальной «Истории и культуры индийского народа» [195, стр. 524] вообще не считают возможным предлагать точную дату. Еще существенное то, что Панини (вопреки Агравале) знал лишь помимо Северной Индии юго-восточные районы Афганистана и некоторые — Белуджистана. Поэтому, как показал Э. А. Грантовский, если предположить, что Пракара соответствует древнеиранской * *Paṛkāra*, то речь могла идти лишь о XVII округе Геродота — современный Белуджистан и Мекран. Но и это сомнительно, ибо с лингвистической точки зрения передача указанного названия через Пракара маловероятна [36, стр. 71—72]. Таким образом, совершенно перальным, лежащим вне научной дискуссии, является предположение Ю. А. Заднепровского, что Геродот был частично знаком с источниками, которые (в части Средней Азии) якобы были известны древнеиранскому аггору Панини. Совпадают не сведения Геродота и Панини, как пишет Ю. А. Заднепровский, а произвольные толкования этих сведений двумя современными зарубежными исследователями [76, стр. 267, прим. 41].

⁷ Детальный разбор слова «када» — «кент» см. [2, стр. 442—449]. Об этимологии «куру» см. [3, стр. 286—291; 4, стр. 262—266]. Независимо от Бенвениста к аналогичным выводам об этом топониме пришел Э. Херфельд [163, стр. 329; прим. 4]. См. также [124, стр. 125—126]. Недавно была предложена еще одна этимология, авторы которой связывают *prkn* с *fra-kāna* (со ссылкой на [131, стр. 986 — *aufgraben*, т. е. «раскапывать»; *aufdämmen* — «возводить плотину»), ср.-перс. *frāgān* — «основывать», «фундамент», или же с * *pari-kāna* — см. ср. перс. *pariān* — «стена» (такой топоним засвидетельствован для Ирана) [177а, стр. 447—448].

⁸ Ф. В. Томас ищет оторокоров Птолемея в районе Лоу-Лани [193, стр. 68], Г. Хауссиг — в Южном Припамирье, может быть, в Чатрале [156, стр. 182, прим. 164].

Но это порождает другие вопросы, и прежде всего вопрос о наименовании этноса Ферганы. По этому поводу в науке нет однозначного мнения. Положение осложняется еще и тем, что в древнейших китайских источниках Фергана именуется (вплоть до III в. н. э.) Давань [179, стр. 22, прим. 5]. Лишь позже, с V в. н. э., зафиксирована форма (По)лопа — P'uā-lāk-pā, которая является транскрипцией названия, близкого теперешнему «Фергана» [83, стр. 79].

А. Гутшмид выдвинул гипотезу, что Давань (которую он понимал как Большой Вань) соответствует Обарои — варии Птолемея (6, 11, 6). Встречаются варианты — *oḗροι*, *θάρροι*, *oἰάρροι* — [см. 188а, стр. 27—28; 154, стр. 63, см. также 156, стр. 175—176]. То, что Птолемей помещает этих вариев у верхнего течения Окса — Амударьи [188, стр. 142], Гутшмид объяснял тем, что Птолемей часто «путал» верховья Окса и Яксарта. Более того, Гутшмид предлагал идти еще дальше и видеть Давань — Большой Вань в области Варена Вединдата [154, стр. 63, прим. 4].

И. Маркварту принадлежит другая гипотеза, согласно которой встречающееся у Птолемея (6, 12, 4) обозначение *Oxandzavda* — это удвоение, своего рода диттография *zavda* + *oxavda*, для которой можно видеть исходные: для *Oxavda* — согд. *band*, для *zavda* — средне- (и ново-) персидскую форму *band*. В китайском названии Ферганы Да-Вань (Большой Вань), китайское Wan, насколько возможно это соответствует китайской письменности, передает слово *band*. Переводя значение этого слова как «замок», «запор», «запруда», И. Маркварт толкует древнее название Ферганы как «укрепленная граница», «пограничная крепость» [175, стр. 295—296].

Текст Птолемея гласит: «Между Кавказскими горами и Имаоном лежит (область) Вандабанда (*Oxandzavda*)» [188а, стр. 34]. Здесь же приведены варианты названия, в частности *oxavdazavda*, *zavdazavda*, *oxazavda*. Не исключено, что И. Маркварт прав и за названием Вандабанда скрывается обозначение Ферганы (на возможность такой локализации Вандабанды много раньше И. Маркварта указывал В. В. Григорьев [37а, стр. 62]).

Э. Пуллейблэнк полагает, что *da'* — 'iwan является китайской передачей слова *Taxwar, которое в греческих источниках отражено как *taxaroi*, *taxaroi* — тохары. Высказав эту интереснейшую гипотезу, Э. Пуллейблэнк затем сопоставляет расстояния между среднеазиатскими владениями, которые указаны в китайских источниках, и путь Чжан Кяна и отмечает несообразности, вытекающие из локализации Давани в Фергане. Наконец, обилие городов, о котором сообщается для Давани,

больше, на его взгляд, соответствует Согдиане, чем «мало продвинувшейся в отношении цивилизации Фергане» (!). Указав также на возможные интерполяции в рапорте Чжан Кяна, он приходит к заключению, что Давань — не топоним, а этноним, обозначение кочевого племени, которое вначале, во времена Чжан Кяна, находилось в области Куча, затем передвигалось на запад, заняв позже Согдиану [179, стр. 22—26].

Отметим, что в целом построение Э. Пуллейблэнка представляется необудительным, но интересно в части уравнивания Давань — тохары. Если это не случайное сходство, то возможно, что китайцы при своих первых контактах застали в Фергане тохаров, захвативших там власть. По имени этого народа, если принять это предположение, могла быть названа вся область. Позже тохары (имев в виду какую-то часть этого народа) могли уйти из Ферганы, а название за ней закрепилось.

Что же касается ферганского этноса в период, предшествующий сакско-юзчжйскому штурму Греко-Бактрии, то на этот счет имеются различные точки зрения. А. Н. Бернштам полагал, что в Фергане наряду с париканиями жили различные сакские племена [12, стр. 7; 13, стр. 211], по Ю. А. Заднепровскому, здесь жили парикании — паркании (последние — поворотение самого Ю. А. Заднепровского), а «вопрос об обитании сакских племен на территории Ферганской долины остается открытым» [43, стр. 198]. Н. Г. Горбунова считает, что Фергана, вероятно, была населена сакскими племенами [33, стр. 15—16; 34, стр. 121—122].

Свою точку зрения по этому вопросу (которая не изменилась и теперь) мне приходилось высказывать в печати в 1960 и 1962 гг. [см. 73, стр. 94; 80; 83, стр. 298—299]. Я придерживаюсь мнения, что Кайрак-Кумские поселения VI—IV вв. до н. э. принадлежали сакам, — это подтверждается установленными нами тождеством керамики, а также оружия и других изделий с этих поселений с сакско-усунскими находками. Что касается широко распространенных представлений, рассматривающих саксов исключительно как кочевников, то им противоречит сам факт наличия поселений. Считается, будто Птолемей (VI, 13) сообщал о кочевниках, занимающих страну саксов, что у них отсутствуют города [188, стр. 144]. Однако следует иметь в виду, что этот отрывок в части рукописей труда Птолемея вообще отсутствует, в других же рукописях помещен в разделе, не связанном с саксами, и отнесение его в раздел VI, 13, 3 — явная интерполяция [188а, стр. 39]. Я уже обращал внимание на то, что есть и противоположные (притом не-

сравненно более ранние) сведения письменных источников, например у Ктесия (в передаче Диодора, II, 34,4), об устройстве городов Зариной. Уже В. В. Григорьев выступил с развернутым обоснованием того, что часть саков была оседлой [37, стр. 59—73]; эту позицию поддерживал и А. Херманн [159, стр. 1795]. Напомню, однако, что эта идея не стала общепринятой.

Историки, занимавшиеся этой проблемой, в том числе и автор настоящей статьи, ранее проходили мимо того факта, что в хотаносакских текстах хорошо засвидетельствован термин *vara* — др.-ир. *vāra* ⁹ [132, стр. 1411]. В этих текстах указанный термин имел, в частности, значение «ограда», «двор», «огороженная территория», «крепость», а также «круглый двор». Среди контекстов имеются такие: «В качестве военной охраны пятсот яшки были расположены в крепости Вара», «в городе, похожем на вара» и т. д. На базе этого слова возникло другое хотаносакское образование — *bārmana* («ограда», также «резервуар», «пруд») и ряд сходных терминов [129, стр. 26—28].

Итак, в средневековом хотаносакском языке, развившемся на базе древних сакских, известно было древнеиранское обозначение крепости-убежища — это еще один дополнительный аргумент в пользу высказывавшейся точки зрения о существовании у саков городов.

Анализ текста Ктесия, проведенный И. В. Пьянковым, позволил также выявить ряд существенно важных деталей. По Ктесию, Зарина «большую часть земли» саков «привела в культурный вид» (то И. В. Пьянков трактует как указание на то, что земля была обработана) и там имеются «немалые города». Ктесий имел в виду амиргийских саков, т. е. тех, в зону расселения которых входила Фергана [101, стр. 46—47]. Приводимые Ктесием сведения о саках-амиргиях особенно важны для подтверждения нашей идеи о принадлежности сакам поздних поселений Кайрак-Кумов, а также и Эйлатана (VII—IV вв. до н. э.). Еще в 1962 г. я писал о керамике из Эйлатана: «В этой керамике имеется значительное число элементов, роднящих ее с поздним комплексом Кайрак-Кумов. Во всех четырех типах эйлатанской керамики (применяя классификацию Ю. А. Заднепровского) представлены формы, характерные для этого комплекса. Особенно разительны совпадения с керамикой первого и четвертого типов, наиболее многочисленной в составе эйлатанской керамики. Они дают массовые совпадения с III и V группами нашей классификации кайрак-кумской керамики.

Во многих случаях можно говорить не о сходстве, а об идентичности формы, техники изготовления, орнаментации. Если говорить о деталях, в Эйлатане имеются слявы кайрак-кумского типа, встречаются ручки-выступы, опубликован фрагмент с подковообразной налевой ручкой» [83, стр. 256].

Культура эйлатанского периода, столь тщательно изученная Ю. А. Заднепровским и Н. Г. Горбуновой, при несомненной генетической связи с позднебронзовой чустской [34, стр. 114—116, 43, стр. 165—167], при определенном влиянии традиций культуры степной кайрак-кумской бронзы [76, стр. 266] обнаруживает, как справедливо подчеркивает Н. Г. Горбунова, значительное сходство с культурой кочевников Алая, Тянь-Шаня, Чача и Семиречья. Это относится как к материальной культуре, так и в определенной степени (при всем своеобразии могильников актамского типа) и к погребальному обряду [34, стр. 117—120]. Я бы распространил этот ареал и на Восточный Памир, так как и там найдены специфические наконечники стрел с разделенной на лопасти втулкой, характерные для перечисленных областей, есть сходство и в керамике и пр. Характерно, что на территории Ферганы обнаружен раннесакский бронзовый котел; вооружение также принадлежит к сакским типам. «Амиргийская равнина» Гелланика — это, несомненно, Алайская долина, но вполне вероятно, что в древности под «амиргийской долиной» понимали Фергану в широком смысле, а в узком — Алайскую долину. Здесь могли обитать различные группы сакского населения: [кочевники (Алайская долина, предгорья Кураминского хребта и пр.), полукочевники и оседлые жители. Все они входили в обширную конфедерацию «саков — хаумаварга», конкретнее, принадлежали к «сакам, которые за Согдом» [73; 79; 80].

Приведем еще одно соображение. В событиях конца II в. до н. э. в качестве царя Ферганы китайские источники называют Мутуа [15, стр. 164—166, 187; 153; стр. 40; 198, стр. 40]. Варианты китайского названия: *Mu-kua* (< *mü-kwa* < **mag*—**kwa*); *Wuku* (< *mü-kuo* < **mjuo*—**ko*); *Wu-kua* (< *mü-kua* < **mjuo*—**kwa*) [140, стр. 50]. Как известно, Арриан (II, 8, 3) упоминает Μαυάτης — предводителя среднеазиатских саков, не подчинившихся Бесу, но являвшихся союзниками Ахеменидов. Уже Ф. Юсти сопоставил имя Μαυάτης с фигурирующим в надписях из Танаиса Μεβακός [62, стр. 736—737 (№ 1245), 769—771 (№ 1280)], но Л. Зугста относится к этому сопоставлению с сомнением [199, стр. 118]. Даффина также указал на сходство этого имени с др.-перс. *Vahauka* [166, стр. 207], в эламской транскрип-

⁹ Толкование этого термина см. [65, стр. 145; 110, стр. 77—82].

ции Ma-u-uk-ka, [175а, стр. 170], что весьма напоминает греческую и китайскую форму [140, стр. 50, прим. 14]. Единственную известную мне этимологию предложил В. И. Абеев: от др.-ир. основы *maiva* — «действие», «занятие», «работа», осет. *meve*. По В. И. Абееву, тапасское имя *Me³axox* расшифровывается как *mev* + суффикс *-ak*. [1, стр. 171], причем имя сакского вождя фонетически ближе к древнеиранской основе. Во всяком случае, сходство имен предводителя среднеазиатских саков IV в. до н. э. и имени ферганского правителя конч. II в. до н. э. не подлежит никакому сомнению. Добавим, что первым известным индо-сакским правителем был тот, чье имя на монетах читается в греческих надписях ΜΑΥΟΥ, в надписях кхарошти ΜΟΑΣΑ, считается, что имя этого царя Мауес, быть может, идентично с именем Махараджи Мого на тахильской медной пластинке с надписью на кхарошти, датированной 78 г. неизвестной эры. Следует также упомянуть, что в надписи на «Львиной капители» из Матхуры фигурирует *Mevaki Miyika*. Вопрос о датировке, соотношении и принадлежности этих памятников многократно обсуждался в научной литературе [125, стр. 235—236; 139, стр. 240; 148, табл. XL—XL; 168, стр. 959; 172, стр. 17, 337—342; 177, стр. 142; 181, стр. 124—127, 134; 186, стр. 35—38; 190, стр. 163—164, 235—236, 494—500; 192, стр. 208; 197, стр. 91, 95], для нас в данной связи существенно лишь одно: большинство ученых считают эти имена сакскими, а некоторые непосредственно связывают с движением саков из Ферганы (что, на наш взгляд, не может быть доказано).

Что же касается времени, предшествующего сакско-юэньцзюйскому штурму Греко-Бактрии, то анализ письменных источников позволяет прийти к заключению, что за полтора столетия до этого штурма кочевники уже пытались сокрушить оплоты греческой (селевкидской) власти.

Косвенные данные, заключенные в источниках, позволяют предположить, что это движение кочевников коснулось Ферганы, во всяком случае Западной. Подверглась, по-видимому, разрушению Александрия Эсхата (затем восстановленная Селевкидами и переименованная). Контрнаступление Селевкидов — экспедиция Демодама, проникшая за Яксарт (между 293—289 гг. до н. э.). Вообще, многие исследователи полагают, что само назначение Антиоха на Восток было реакцией на начавшееся скифское вторжение [см. об этом: 40, стр. 354, 420; 75, стр. 279—283; 135, стр. 101; 154, стр. 26; 182, стр. 174; 189, стр. 89—94, 191, стр. 107]. Я уже отмечал, что это вторжение должно было привести к перемещению

в Фергану кочевых сакских племен, за которым последовало исчезновение актамского погребального обряда [75, стр. 283, 534].

И. Маркварт высказал много лет назад очень интересную идею, что в Фергане саки, жившие здесь еще во времена Александра, вследствие «согдизации» этой области постепенно были ограничены лишь районом на северном берегу Сырдарьи [175, стр. 319]. К довольно сходному заключению (независимо от Маркварта) пришел П. Даффина. По его мнению, после ослабления греко-бактрийского царства в Фергане образовалось независимое государство, где в этносе преобладал древний сакский субстрат («саки, которые за Согдом»), греки же составляли меньшинство, причем П. Даффина в отличие от Маркварта постулирует прирост кочевых элемента во II—I вв. до н. э. [140, стр. 50].

Конечно, мы не располагаем конкретными материалами для решения этого вопроса. О «согдизации» Ферганы мы имеем данные лишь с рубежа нашей эры (притом, собственно, не данные, а предположения)¹⁰. Поэтому пока допустима конструкция любой этногенетической модели, в том числе конструкция Маркварта и Даффина.

Итак, изложенные выше соображения, как мне представляется, позволяют считать, что значительный пласт населения Ферганы VII—II вв. до н. э. — это сакское население. С этой гипотезой лучше всего согласуются имеющиеся

¹⁰ Согдийский колонизационный поток, направившийся в Восточный Туркестан, в определенной степени должен был проходить через Фергану. При этом следует учесть, что, как пишет В. Хеннинг, «мы не знаем, когда согдийцы начали устраивать колонии вдоль караванных путей, ведущих в Китай, и в самом Китае, но похоже, что они это делали задолго до изобретения бумаги» [157, стр. 602]. По-видимому, Хеннинг имел в виду традиционную дату изобретения бумаги Цай Лунем — 105 г. н. э. [84, стр. 35—37], хотя фактически бумага была изобретена несколько раньше. В своей более поздней работе В. Хеннинг высказался более определенно. Начало согдийской колонизационной деятельности он возводит ко времени «страшного погрома», который Александр Македонский произвел в Согде, особенно в районе Мараканды — Самарканда, и считает, что именно этот погром явился, вероятно, «главной причиной» для начавшейся тогда «диаспоры» согдийцев [158, стр. 54]. В. Эберхард связывает появление в Восточном Туркестане выходцев из Средней Азии с переселением в Восточный Туркестан части племен юэньцзюйского союза [143, стр. 148—154]. Для первых веков нашей эры важным фактором этнических перемещений являлась буддийская пропаганда, поток буддийских миссионеров из Средней Азии [171, стр. 10—13]. Однако все это не дает никаких конкретных данных о времени появления согдийских колоний. Мы твердо знаем, собственно, лишь то, что они существовали и играли важную роль в Восточном Туркестане в самом начале IV в. н. э., когда лишь в Дуьхуане имелось, как сообщается в одном согдийском письме, «сто благородных людей из Самарканда» [158, стр. 55, прим. 1].

в нашем распоряжении данные ¹¹, в том числе сведения китайских источников (подробный анализ см. [80, стр. 187 и сл.]) о том, что территория Ферганы и, очевидно, ее население были вовлечены в сакско-юэжжйские передвижения II в. до н. э.

Давань-Фергана во II в. до н. э. — III в. н. э. находилась в тесных политических, экономических и культурных взаимоотношениях с Кангюем. Нам приходилось освещать проблему Кангюя в связи с датировкой Джунского могильника и историей каучинско-джуинской культуры, в этих работах приведены археологические данные и ссылки на соответствующие публикации [77, стр. 27—29; 78, стр. 14—24; ценный анализ источников осуществлен П. Даффиной]; поэтому здесь мы не останавливаемся на аспектах кангюйской проблемы.

В этническом плане кангюйско-ферганские связи и контакты, по всей вероятности, имели место в Северо-Западной Фергане — это вытекает прежде всего из археологических материалов. Эта линия имела тенденцию к дальнейшему развитию, и в IV—VIII вв. связи, в том числе этнические, между Северо-Западной Ферганой и Чачем еще более усиливаются.

Кангюйско-ферганские взаимоотношения важны еще в одном аспекте. Карабулакско-ворухская подобно-катакомбная культура и аштская культура кургулов демонстрируют многие черты близости средне- и позднесарматской культуре. Конкретное рассмотрение всех категорий материальной культуры, карабулакско-ворухского погребального обряда, явлений идеологической сферы показывает, что сарматская культура и культура жителей ферганских предгорий была исторически связана по многим направлениям [см. 38, стр. 67—70, а также 78; 80; 81; 82]. Я не хотел бы видеть в этом следствие этнических связей (хотя переселение в Фергану в процессе сакско-юэжжйских передвижек II—I вв. до н. э. каких-либо групп приаральского населения, носителей «сарматоидной» культуры, вовсе не исключается) — в большей степени это влияние не прямое, а опосредствованное.

Одним из «ретрансляторов» сарматской культуры на Фергану являлся, на мой взгляд, Кангюй. Другой вероятный путь — это взаимодействие с населением Зеравшанской долины, «сарматоидные» (но, видимо, не сарматские) черты в культуре которого выступают еще ярче, чем в кангюйской ¹². Фергана, в свою очередь,

влияла в этом плане на Восточный Туркестан, и сарматские воздействия на культуру жителей окрестностей оз. Лоб-Нора могут явиться предметом специального исследования. В могильниках Лоу-Лани и других «среднеазиатская струя» является доминирующей, и культурная и этническая история древнего Восточного Туркестана, несомненно, является составной частью истории Средней Азии.

* * *

Если сведения письменных источников по Фергане или те, что могут быть связаны с Ферганой, для периода VI в. до н. э. — I—II вв. н. э. чрезвычайно скудны, то для периода III—V вв. н. э. наука вообще не располагает данными по этнической истории Ферганы. Лакуна тем более чувствительна, что именно в этот период в Средней Азии распадается кушанское государство, начинается новая волна передвижений больших масс населения; на исторической арене появляются кидариты, хиониты и сыгравшие наиболее важную роль в истории Средней Азии и сопредельных стран эфталиты. Вопрос о происхождении, этнической принадлежности и языке каждого из этих народов весьма неясно освещен в противоречивых сообщениях разноязычных и разновременных источников, что породило бесконечные дискуссии, которые пока не привели к выработке единого мнения. Лишь накопление новых археологических материалов, расшивка уже имеющихся памятников эфталитской письменности ¹³ и обнаружение новых, scrupulous исследование обширного нумизматического материала ¹⁴ позволят, по-видимому, используя всю совокупность источников, в том числе иконографических, в конце концов подойти к решению вопроса о происхождении и этнической истории эфталитов ¹⁵.

В источниках нет никаких прямых свидетельств о связи эфталитов с Ферганой, можно лишь догадываться, что с Ферганой была связана одна из групп эфталитов, а именно «красные хионы» [см. 126, стр. 592; 127, стр. 945—947; 130, стр. 12—21], они были, по-видимому, распространены и в Тохаристане [66, стр. 61]. В Бахман Яште II, 49, в перечне враждебных Ирану народов, упоминаются хионы, турки, хафталы и тибетцы, причем они называются

¹³ Об «эфталитских» рукописях из Восточного Туркестана см. [67, стр. 163—164; 150, стр. 37—57; 155] (там же — о памятниках эфталитской письменности в Средней Азии). О находке в долине Точи (Пакистан) см. [141].

¹⁴ Новейшей его сводкой является четырехтомник, выпущенный Р. Гоблем [152, I—IV].

¹⁵ Лучшими общими обзорами современного состояния проблемы являются [23; 92; 122; 145; 151].

¹¹ Можно было упомянуть и о косвенных соображениях, например о способе ведения войны древними ферганцами, их вооружении (см., например, Сима Цинь [146, стр. 266]).

¹² Особенно интересен в плане сарматско-ташкентско-ферганских взаимоотношений курган 6-го могильника Курук-Сай (рубеж нашей эры).

гордами [127, стр. 945—946]¹⁶. По мнению Г. Байли, здесь, вероятно, подразумевается Самаркандский Кухистан [127, стр. 947], но не исключено, разумеется, что эти племена (т. е. хионы, хафталы) происходили из горных областей восточной части Средней Азии. В хотанско-сакской поэме VII в. н. э. перечисляются враги Хотана: китайцы, монголы, тибетцы, хуна и *heinā-khosa*. Последних, как показал Г. Байли, можно расшифровать как «красношапочные» и идентифицировать с «красными хионами» [128, стр. 19—20]. Учитывая, что «красные хионы» принимали участие в нападениях на Иран и вместе с тем их боялся Хотан, будет логичным предположить, что они жили где-то на востоке Средней Азии, может быть и в Ферганае. В «Вей-шу» («История Северных Дворов») об эфталтах (е-да) говорится: «Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах» [15, стр. 269]. Речь идет не просто о кучах камней¹⁷, а именно о погребальных домиках, ибо, как указал К. Еноки, в китайском тексте употреблен термин *ts'ang*, буквальное значение которого «склад», «кладовая», и здесь он применен в смысле «постройки», «место хранения трупа» [145, стр. 49, 50, п. 2]. Это сообщение «Вей-шу» было сооставлено К. А. Иностранцевым с ферганскими мугхона — курумами [49, стр. 116—117]. В другом китайском источнике, «Лян-шу», говорится, что у эфталтов покойника при погребении клали в деревянный гроб, причем ребенку умершего родителя надрезали (или отрезали) ухо [49, стр. 116; 145, стр. 49—50].

В связи с этими эфталтскими обычаями следует рассмотреть одно сообщение Табари. Рассказав о том, что сасанидский царь Пероз (459—485 гг.) погиб в войне с эфталтами, Табари пишет, что царь эфталтов Ахшунвар приказал извлечь трупы Пероза и остальных персов из ям и похоронить их в *наусах* (что, по мнению Т. Нельдеке, должно было означать «наземные постройки» [см. 178, стр. 130, прим. 2]). Термин «наус» обычно употребляется арабскими авторами для обозначения погребальных построек зороастрийцев Средней Азии и Ирана [10, стр. 162—168; 16; 47, стр. 0170—0171]. Невозможно, конечно, сказать, что именно подразумевалось в данном случае, но параллелизм сообщений «Вей-шу» и Табари обращает на себя внимание: нельзя исключить возможности того, что были устроены погребальные постройки, применявшиеся у эфталтов, тем более что, как установил А. Я. Борисов, этим

термином обозначались и незороастрийские погребальные постройки [16, стр. 310].

Е. Е. Неразник, рассмотрев эфталтский обычай захоронения в деревянных гробах, сообщает, что деревянные гробы зафиксированы у сарматов, гуннов и некоторых среднеазиатских племен, в частности ферганских, и приводит (со ссылкой на меня) мнение, что все это может указывать на существенную роль в сложении эфталтского этноса племен предгорных районов Ферганы [92, стр. 417, 554]. В самом деле, лишь в Ферганае, да в примыкающих районах Чача мы видим сочетание этих двух обрядов: захоронение в каменных склепах и в грунтовых могилах (с курганными насыпями), причем в последних — нередко с деревянным гробом.

Значительно больше данных мы имеем для VII—VIII вв. Сюан-цзан (629 г.) сообщает, что язык ферганцев (сам он в Ферганае не был) «отличается от языка соседних стран» [133, стр. 31]. По словам Хой Чао (726 г.), в этой стране «язык совершенно отличен и неодинаков с языками остальных стран». Хотя Хой Чао также не был в Ферганае, он располагал надежной информацией. Свидетельство Хой Чао о языке Ферганы приобретает особый интерес в сооставлении с его же сообщениями о языках некоторых других областей Средней Азии. Так, например, о Хуттале он прямо говорит, что там «язык частью тохарский, частью тюркский и частью местный» [146, стр. 452]. Отсюда как будто следует вывод, что в Ферганае тюркский язык не имел столь большого распространения, как в Хуттале.

Имеется ряд данных в согдийских и в более поздних арабских источниках, свидетельствующих о том, что язык Ферганы был восточноиранским. Царь Ферганы носил титул *ихшид*, этот титул прилагался и к владетелям отдельных селений, например «ихшид Тамахуша» (в районе Исфары) [64, стр. 50—51, 84—85]¹⁸. По мнению В. А. Лившица, уже сейчас можно утверждать, что в Ферганае существовал особый ферганский язык, относящийся к группе восточноиранских [68, стр. 229]. Вместе с тем, как в свое время правильно предположил П. Маркварт (см. выше), происходит согдийская колонизация Ферганы. Об этом свидетельствует появление согдийской надписи на западных подступах к Ферганае — в Мунчак-тепе [69, стр. 161—163, рис. 4—5; 70, стр. 168; 158, стр. 52], согдийская надпись из самой Ферганы — из Кувы, согдийское письмо из Восточного Туркестана, где упоминается правитель — *пхшид* селения Тамахуш.

¹⁸ О локализации селения Тамахуш см. [38, стр. 175—176].

¹⁶ В пехлевийском тексте специально подчеркнуто: «...которые были среди горных жителей».

¹⁷ «Богатых погребали, нагромождая кучи камней; бедных же погребали в земле» [142, стр. 63].

В. А. Лившиц обнаружил в фондах Самаркандского музея монету, легенда которой содержит титул «ферганский царь» и имя правителя. Письмо этой легенды — арамейского происхождения, но резко отличающееся от всех среднеиранских письменностей, восходящих к арамейской, в том числе от согдийской, хорезмийской, парфянской. Монета датируется V—VI вв. и, как предполагает В. А. Лившиц, «может рассматриваться как единственный известный в настоящее время образец древнеферганской письменности» [68, стр. 230].

В VI—VIII вв. Фергана включается в сферу тюркских государственных образований. Уже во второй четверти VII в. местный правитель Ферганы был убит в сражении с тюрками, часть Ферганы управлялась с тех пор непосредственно тюрками, среди местных правителей не было верховного главы, и они соперничали друг с другом. Позже положение изменилось, и в начале VIII в. в Фергане появляется могущественный местный царь — Алутар. В 726 г., во времена Хой Чао, правитель ферганских местностей к югу от Сырдарьи подчинялся арабам, другой правитель, под властью которого находились районы к северу от реки, — тюркам. По сведениям китайских источников, в 739 г. власть в Фергане захватил тюрк Арслан-Тархан [9, стр. 529; 133, стр. 31; 138, стр. 148—149; 146, стр. 452].

Имеются археологические и эпиграфические материалы, показывающие, что в Фергане и в окружающих ее горных долинах расселяются тюрки. Материал этот наиболее полно суммирован Ю. А. Заднепровским¹⁹ [44]. В процессе наших экспедиций в Исфаринском районе было обнаружено три фрагмента керамики с руническими надписями [38, стр. 121, 169, рис. 59—60, 85—86], при раскопках Аштского могильника в одном из курумов я нашел перстень, на щитке которого — руническая надпись. Восемь или десять находок было сделано другими исследователями или случайными лицами [14; 18; 35, стр. 35]. К наиболее раннему времени относится надпись на аштском перстне. С. Г. Кляшторный разобрал здесь слово *унап* — титул или собственное имя. По его словам, надпись занимает «особое положение среди среднеазиатских рунических надписей... Рунические знаки надписи на перстне близки к своим старосогдийским прототипам, что не может быть объяснено локальными особенностями — в Фергане употреблялось руническое письмо в его «классическом» варианте (конец VII — первая половина VIII в.). Вероятнее всего, надпись может быть датирована концом VI—VII в.»

[60; 61, стр. 48]. Если это так, то вместе с семиреченской руникой, которую А. Габан датирует временем ок. 600 г. н. э. [147, стр. 539], аштский перстень входит в группу наиболее ранних тюркских рунических надписей. Учитывая, что тюркская руника происходит от согдийской, следует признать большое историко-культурное значение аштского перстня. Происходило ли сложение древнетюркской руники (на базе согдийской) в Семиречье (гипотеза С. В. Киселева и А. М. Щербака) или же началось в Восточном Туркестане с завершением процесса формирования в Средней Азии (С. Г. Кляшторный)²⁰ — в любом случае Фергана сыграла определенную роль в ранней истории рунического письма.

Археологические данные показывают, что Северо-Восточная Фергана в это время еще более, чем в калгийский период, была в историко-культурном отношении связана с Чачем.

Рассматривая вопрос об ареале курумов, мы подчеркивали факт обнаружения сходных сооружений и в Чирчик-Ангренской долине [80]. Собственно, курумов там, как известно, нет. Однако там есть наземные, полуподземные и подземные погребальные сооружения, которые имеют много общих черт с курумами.

В 1956 г. я писал: «Сооружение гробниц Пскентского могильника, быть может, следует приписать какому-либо из племен — строителей курумов, продвигавшихся (через Куруксай?) в район Пскента и перешедших там к оседлости. Новый материал потребовал еще более основательного знакомства с архитектурно-строительным искусством, но база для этого была заложена в предшествующий период истории этих племен» [71, стр. 46]. Сделанные с того времени Т. Агзамходжаевым археологические открытия в Ангренской долине (особенно апартакские и туябугузские склепы) [5; 6] позволяют расширить рассмотрение вопроса.

По своему устройству апартакские каменные склепы удивительно близки курумам, особенно муг-хона. Однако имеются и серьезные различия. Они заключаются в следующем: 1) склепы в отличие от курумов являются подземными сооружениями; 2) каменная кладка в них производилась на глиняном растворе; 3) стены склепов штукатурились.

Генезис апартакских склепов можно представить следующим образом. Ориентировочно в III—V (или во II—IV) вв. происходила инфильтрация племен — строителей курумов с гор в Чирчик-Ангренскую долину. Здесь они оказались в ипой природной среде и столкнулись с населением, хоронившим своих покойников в курганах типа джунских или вревских. Не-

¹⁹ К сожалению, Ю. А. Заднепровскому осталась неизвестной работа В. А. Булатовой [18].

²⁰ Подробный обзор проблемы см. [61, стр. 44—49].

которое время пришельцы продолжали воздвигать курумы (они пока не обнаружены, а может быть, и не сохранились на равнине). Затем под воздействием местного погребального обряда стали «погружать» свои погребальные постройки под землю. Следующим этапом, запечатленным в апартакских склепах, было усвоение строительных приемов древнего Чача, что привело к использованию строительных растворов и штукатурок. Одновременно пришельцы подверглись влиянию оссуарного погребального обряда и согдийской традиции сооружения наусов. Результатами взаимодействия этих традиций я считаю появление наусов Туюбугуза и пскентских склепов.

Таким образом, племена — строители курумов были вовлечены в V—VII вв. в сложные этногенетические процессы не только Ферганы, но и Чача. Последний же более прочно входит в состав тюркских государственных образований, и процессы тюркского этногенеза протекали в нем более интенсивно.

Трудами В. В. Гинзбурга, В. Я. Зезенковой, Т. П. Кияткиной, Н. Н. Миклашевской и других разработана палеоантропология древней и раннесредневековой Ферганы [27; 28; 29; 30; 34; 32, 45; 46; 55; 56; 57; 58; 59; 88; 89, а также 24; 96, 98]. Судя по палеоантропологическим материалам, картина расового состава Ферганы в первой половине и середине I тысячелетия н. э. была весьма сложной. Ферганское население этого времени характеризовалось наличием следующих расовых типов:

1) мезо- и брахикранные европеоидные элементы расового типа среднеазиатского междуречья — основная часть населения;

2) долихокренные европеоиды, иногда метизированные с предыдущим типом, — небольшая часть населения (5—10%);

3) первые и вторые с признаками монголизации — небольшая часть населения (ориентировочно столько же или несколько больше, чем тип 2);

4) одиночные представители южносибирской расы, экваториальной расы и др.

Именно в это время интенсивно завершалось становление расового типа среднеазиатского междуречья. Согласно мнению многих антропологов (в частности, В. В. Гинзбурга), «становление расового типа среднеазиатского междуречья явилось, с одной стороны, результатом эпохальных преобразований андроновского (грацилизация) и средиземноморского (брахикефализация) типов, с другой — результатом их смешения, причем этот процесс протекал в обстановке притока и примеси монголоидного типа. Население Ферганы, как пишет этот же исследователь, всегда было более смешанным

в антропологическом смысле [29, стр. 31—32; 32, стр. 128].

В последней сводной работе по палеоантропологии Средней Азии В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова отмечают: «...население Ферганской долины (древней Давапи), как оседлое, так и ведущее пастушеское хозяйство, в античное время и в раннем средневековье характеризовалось единым европеоидным типом среднеазиатского междуречья в его более древнем варианте (мезо-брахикранным), а иногда с монголоидной примесью. На некоторых сериях черепов можно уловить более древние расовые элементы средиземноморского и протоевропейского типа, на базе которых развивалось население античного времени и раннего средневековья. Это население, судя по антропологическому типу, было родственно населению других районов Бактрии и Согда» [52а, стр. 158; для населения примыкающей с севера Кетмень-Тюбинской долины см. 97а]. Антропологический аспект этой проблемы дискуссионен [104]. Для нас в данном случае существенно, что расовый состав был разнородным и что монголоидный элемент играл в Фергане в первой половине и середине I тысячелетия н. э. сравнительно незначительную роль в антропологическом составе населявших ее народов и племен²¹.

Вопрос об усилении роли монголоидного элемента даже на значительно более северных территориях Средней Азии, в Центральном Тянь-Шане и Семиречье для первой половины II тысячелетия н. э. также очень не прост. Состав населения там был смешанным, но европеоидный компонент явно преобладал [87, стр. 7]. В свое время, опираясь лишь небольшим материалом (для «усуней» — 8 мужских и 3 женских черепа, для «гуннов» — соответственно 21 и 14). Г. Ф. Дебеч даже писал, что нет «достаточных оснований для заключения о большей примеси монголоидного элемента у „гуннов“ по сравнению с „усунями“» [39, стр. 12—13] (под «гуннами» подразумевалось население первой половины I тысячелетия н. э.). Позже был получен новый материал, сделавший соответствующие серии более представительными. Н. Н. Миклашевская смогла привлечь к исследованию 41 мужской и 14 женских черепов «усуней» и 84 мужских и 49 женских черепов, датируемых первой половиной I тысячелетия н. э. Сопоставляя данные опубликованной ею таблицы, мы видим увеличение верхней высоты лица, сочетающееся с заметным уменьшением угла носовых костей (с 27,8 до 25,8°), симиотической высоты (с 4,13

²¹ Здесь совершенно неправ Ю. А. Заднепровский, преувеличивающий удельный вес монголоидного компонента [42, стр. 43—44].

до 3,83°), дакриальной высоты (с 12,33 до 11,77°). Вместе с тем общая «уплощенность» лица не изменилась (в этом оказался прав Г. Ф. Дебец), наоборот, зигомаксиллярный угол практически остался прежним (131,2 и 131,5°), а назомалирный даже уменьшился (со 143,1 до 140,9°). Этим мы отнюдь не оспариваем общий вывод Н. Н. Миклашевской, которая, как и В. В. Гинзбург, считает, что в целом в этих областях Средней Азии в первой половине I тысячелетия н. э. монголоидный компонент заметно усилился [89, стр. 84], но мы хотим показать, что процесс монголизации в то время носил достаточно поверхностный характер и на северо-востоке Средней Азии, где он протекал несравненно интенсивнее (хотя на Тянь-Шане и в Семиречье его динамика была неравномерной). Даже там в первой половине I тысячелетия н. э. черепа с преобладанием монголоидных особенностей составляют лишь 25% тьяншанской серии в целом²², а в семиреченской серии III в. до н. э. — III в. н. э. небольшая монголоидная примесь практически почти не увеличилась на протяжении этого периода [49а, стр. 39—56].

Роль монголоидных этнических групп в Фергане и прилегающих районах резко возрастает начиная с VI—VII вв. н. э. Это хорошо видно на материалах Алайской долины. Так, в могильнике Куяляда (датировка его, впрочем, не имеет надежных оснований [см. 13, стр. 220—221]) все черепа или типично монголоидные, или же европеоидные с монголоидной примесью [26, стр. 374—377]. Кроме того, имеется пять мужских и четыре женских черепа из алайских могильников Кара-Бейт и др., которые Ю. Д. Баруздин датировал временем «не ранее VI в.». Н. Н. Миклашевская характеризует эту серию следующим образом: «...брахиокранические черепа с высоким, широким, слабопрофилированным лицом, небольшим углом выступания носа, низким переносом. Черепа относятся к южносибирскому типу» [89, стр. 69]. Следовательно, и эта небольшая серия является целиком монголоидной.

Вхождение в состав ферганского населения монголоидных в расовом отношении компонентов слишком прямолинейно сопоставляется с лингвистическим процессом тюркизации. Однако следует иметь в виду, что (это уже отмечалось Л. В. Ошаниным и мною [см. 95, стр. 31—32; 97, стр. 58])²³ в Средней Азии

процессы тюркизации языка и монголизации антропологического типа отнюдь не были ни синхронными, ни абсолютно параллельными, напротив, тюркизация в I тысячелетии н. э. была значительно шире и глубже, чем монголизация [39, стр. 6]. В более общем плане это положение сформулировано Г. Ф. Дебецом: «...если переселившиеся из Центральной Азии монголоидные народы все говорили на тюркском или монгольских языках, то, конечно, не все народы, распространившие тюркские языки, характеризовались монголоидными признаками. Переход на тюркскую речь предков кумыков, азербайджанцев или турок не сопровождался переселениями сколько-нибудь значительного числа представителей монголоидной расы» [ср. 42, стр. 22].

Именно поэтому строить заключения на основании одного палеоантропологического материала было бы совершенно неправомочно.

Однако, используя всю совокупность материалов — данные письменных источников, ферганскую эпиграфику, археологию, палеоантропологию, можно прийти к заключению, что в V—VII вв. существовала ферганская народность, у которой был свой язык, относящийся к группе восточноиранских. Вместе с тем очень слабый приток монголоидных групп (о языке которых мы ничего не знаем), который имел место в первой половине I тысячелетия н. э., позже, с VI—VII вв., сменяется значительным, скачкообразным увеличением удельного веса монголоидного элемента, особенно в горных долинах, окружающих Фергану²⁴. По-видимому, процесс тюркизации в обстановке постоянных вторжений тюркских племен и политического господства тюркских правителей протекал не только в горных долинах, но и на равнинах. Об этом свидетельствуют рунические надписи и тюркские памятники из Южной Ферганы. Но его размах и интенсивность не идут ни в какое сравнение с последующими столетиями²⁵.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники пока слишком малочисленны, чтобы можно было рассмотреть конкретную историю этнокультурных взаимоотношений монголизированных тюркоязычных племен, появившихся в Фер-

²² Данные на основании 25 мужских и 9 женских черепов [83, стр. 301—302].

²³ Для северо-востока Средней Азии на совещании по этногенезу киргизского народа в 1956 г. я выдвинул предположение об «отставании» монголизации расового типа от хода тюркского этногенетического процесса» [72, стр. 202].

²⁴ А. Н. Бернштам неоднократно менял свою точку зрения на ход тюркизации Ферганы. В одной из своих работ он высказал правильную, на наш взгляд, мысль о том, что Фергана подвергается влиянию тюркского этногенеза начиная с VII в. н. э. [11, стр. 158]. В последующих работах А. Н. Бернштам необоснованно подчеркивает древность и размах процесса тюркского этногенеза в Фергане [см., например, 12, стр. 21; 13, стр. 105—106].

²⁵ Таким образом, мы снимаем свое первоначальное предположение, что процесс тюркизации захватывал главным образом Северную Фергану [38, стр. 208].

гане в VI—VII вв., и местных оседлых и полукочевых племен, преимущественно европеоидных и ираноязычных.

Интересные материалы о том, как протекает взаимодействие тюрков и ираноязычных таджиков, мы находим в этнографической и лингвистической литературе. Оказывается, далеко не всегда тюркский язык пришельцев распространялся среди местного населения. В горных районах Куляба, в бассейне р. Кизыл-Су в Ях-Су, живет группа населения, имеющая самоназвание «тюрк». Они не сохранили родоплеменного деления. Сейчас большая часть «тюрков» говорит между собой по-таджикски, узбекского многие из них не знают вовсе, но считают, что два-четыре поколения назад их предки говорили по-узбекски. Они селятся отдельными семьями в таджикских кишлаках; браки между ними и таджиками — обычное явление. Они называют себя таджиками рода тюрк [51, стр. 10—11; 91, стр. 10; 100, стр. 79—81].

Тюрки верховьев р. Кафирниган и р. Ханакадарья сильно смешались с таджиками и двуязычны [51, стр. 11]. Такая этническая группа имеется и в Ферганской долине. «Тюрки» Касана, как отмечает М. С. Андреев, несмотря на свое название, говорят на таджикском языке [7, стр. 110], но большинство ферганских «тюрков» сменили свой язык на узбекский [20, стр. 397]²⁶. Чрезвычайно интересно взаимоотношение таджиков-хардури и полукочевых узбеков. Хардури считаются таджиками, говорят между собой по-таджикски, некоторые совсем не знают узбекского языка. Однако они по всей своей культуре и образу жизни ничем не напоминают таджиков, а, напротив, сходны с полукочевыми узбеками. Тюрки долины Ширабадарья, пишет Б. Х. Кармышева, «живут попеременно с таджиками-хардури, сильно смешались с ними (особенно маляйцы) и в результате взаимных браков и по образу жизни ничем не отличаются от хардури, но те и другие сохраняют свой язык. До недавнего времени и тюрки и хардури вели полукочевой образ жизни, сочетая хлебопашество с разведением мелкого рогатого скота» [51, стр. 11]²⁷.

Наконец, следует отметить, что некоторая часть узбекоязычного населения Южного Узбекистана причисляет себя к таджикам, ибо исконное оседлое население вне зависимости от языка обозначается термином «таджик» или «чагатай». Про таких «таджиков-узбеков» один

представитель кочевых узбеков сказал: «Будучи таджиком — он не таджик, будучи узбеком — он не узбек, будучи таджиком — он не знает таджикского языка, будучи узбеком — он не говорит чисто по-узбекски» (последнее — неверно) [50, стр. 17].

В другой работе мы остановимся на проблеме взаимоотношений кочевников и оседлых жителей в культурном и экономическом плане. Сейчас лишь отметим, что, по этнографическим данным, в результате многовекового соседства с оседлыми горными таджиками «значительная часть тюрков растворилась в таджикской среде» [53, стр. 7—8]. Этот процесс происходил и в Афганистане [93, стр. 240—241]. В результате хотя тюрки в Средней Азии нередко утрачивали свой язык, но расовый тип их и других вошедших в состав таджиков монголоидных групп наложил свой отпечаток на антропологический тип таджиков; например, в Юго-Западном Дарвазе и в примыкающих районах (как вообще у таджиков предгорий) четко осуществляются следы монголоидных влияний [25, стр. 301—304; стр. 94]. Но вместе с тем, соседствуя с кочевыми тюркоязычными пришельцами, местное население часто усваивало их образ жизни (как показывает пример хардури), а также и язык.

В этом плане представляет интерес детально исследованное таджикско-узбекское двуязычие. Лингвисты выделяют несколько типов двуязычия у современных иранских народов Средней Азии. Для нас существенны два варианта двуязычия: 1) двуязычие бытовое, причиной которого является длительный бытовой контакт с иноязычным народом; 2) двуязычие, связанное с потребностью в узкоместном, зональном языке межнационального общения там, где соседствуют несколько малочисленных народностей, не понимающих языка друг друга. Если исходить из знания второго языка, двуязычие можно подразделить на неполное (или частичное) и полное (или абсолютное) — с совершенно одинаковой степенью владения двумя языками. У таджиков Ферганы в настоящее время наблюдаются различные формы двуязычия в разных местностях. Жители Кассасая, Чуста, Риштана с детства одинаково хорошо владеют двумя языками — таджикским и узбекским. В разговоре они легко переключаются с одного языка на другой. Напротив, у таджиков Бухары двуязычие, хотя и массовое, но неполное²⁸ [103, стр. 2—5].

²⁶ Общую характеристику ферганских тюрков см. [20, стр. 393—399].

²⁷ См. также [52, стр. 55]. Об особенностях материальной культуры и хозяйства кашгардарьинских таджиков см. [54]; специально о хардури см. [115; 116].

²⁸ Анализ этнического состава и этнической истории Бухары см. [103, стр. 138—149; стр. 107, стр. 79—82]. Несравненно дальше процесс зашел в Карши, где таджикоязычное население утратило свой язык, влившись в состав узбеков [см. 21, стр. 22; 107, стр. 119—121]; то же самое произошло в Шахрисабзе [107, стр.

Детали современного таджикско-узбекского двуязычия и результаты длительных контактов этих двух языков — двустороннего процесса взаимодействия — подробно отражены как в диалектологических исследованиях, так и в специальных работах по двуязычию²⁹. Однако по сей день остается справедливым высказанное в 1952 г. А. К. Боровиков заключение: «Вопрос о взаимодействии таджикского и узбекского языков с исторической точки зрения не изучен» [17, стр. 182]. В определенных условиях двуязычие может явиться промежуточной ступенью к переходу на другой язык, причем социальный (экстралингвистический) фактор в комплексе, обуславливающим такой переход, занимает немаловажное место.

По-видимому, в напряженной исторической обстановке VI—VIII вв. в Фергане могли возникнуть три ситуации: 1) постепенная утрата пришельцами-тюрьками своего языка и ассимиляция их окружающим местным населением; 2) сохранение тюркскими группами присущих им этнокультурных и лингвистических особенностей; 3) распространение путем культурно-экономических контактов и смешанных браков культуры и языка пришельцев в среде местного населения. С течением времени должны были в целом возобладать вторая и третья тенденции. Во второй половине XI в., как сообщает Махмуд Кашгарский, согдийцы — жители Баласагуна «приняли одежду и нравы тюрков», причем они, как и жители Тараза и Исфиджаба, говорили по-согдийски и по-тюркски [8, стр. 36], т. е. были двуязычными. Так было в Семиречье, но и там для образования двуязычия в городах понадобилось свыше четырех столетий.

Реальный ход этногенетического процесса в Фергане осложняется еще и тем, что на ее территории произошло, по-видимому в VIII—X вв., распространение новоиранского языка — таджикского³⁰. Значительная часть оседлого населения Ферганы вошла в сложившийся тогда таджикский народ [22, стр. 203—204; 23, стр. 370—376], другая часть ферганского населения являлась одним из компонентов узбекского народа [118]. Но все эти проблемы находятся вне рамок настоящего исследования.

131]. Однако в годы присоединения этих городов к Руси, по словам побывавшего там А. Куна, городское население в Шахрисябэ состояло из узбеков и таджиков и, хотя первых было больше, именно таджики были одним из главных компонентов населения. Даже в Китабе, где во времена Куна таджики преобладали [63, стр. 248], сейчас основное население города — узбекское [107, стр. 132].

²⁹ Помимо цитированной выше работы [103] см. [17; 19; 117 и др.].

³⁰ Для изучения процессов взаимодействия таджикского и восточноиранских языков интересно исследование механизма взаимодействия таджикского и новосогдийского — агнэского языка [см. 113].

1. Абаев В. И., Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949.
2. Абаев В. И., Этимологические заметки,— «Труды Института языкознания», т. VI, М., 1956.
3. Абаев В. И., К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Ka^h budjiya, Cispis,— «Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам», М., 1967.
4. Абаев В. И., Из иранской ономастики,— «История иранского государства и культуры», М., 1971.
5. Агамходжаев Т., Тяньбугузские наусы,— ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
6. Агамходжаев Т., Подземные каменные наусы около г. Ангрен,— ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966.
7. Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы),— «Известия Общества для изучения Таджикистана и пранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1928.
8. Бартольд В. В., К вопросу об языках согдийском и тохарском,— «Иран», I, Л., 1927.
9. Бартольд В. В., Фергана,— Соч., т. III, М., 1965.
10. Бартольд В. В., К вопросу об оссуариях Туркестанского края,— Соч., IV, М., 1966.
11. Бернштам А. Н., Беркаринская пряжка (О скифской традиции в сарматском искусстве),— КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947.
12. Бернштам А. Н., Древняя Фергана, Ташкент, 1951.
13. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— МИА, 1952, № 26.
14. Бернштам А. Н., Древнетюркские рунические надписи из Ферганы,— ЭВ, XI, 1956.
15. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступительные статьи и комментарии А. Н. Бернштама и Н. В. Кушера, М.—Л., тт. I—III, 1950—1953.
16. Борисов А. Я., О значении слова «наус»,— ТОВЭ, III, Л., 1940.
17. Боровиков А. К., Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков,— «Ученые записки ИВАН СССР», т. IV, М., 1952.
18. Булатов В. А., Руническая надпись на хуме из Ферганы,— ОНУ, 1965, № 8.
19. «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», М., 1969.
20. Виноников Я. Р., Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине,— «Труды Института этнографии АН СССР», нов. сер., т. XVII, М., 1959.
21. Вяткин В. Л., Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов,— «Известия Средне-Азиатского отдела РГО», т. XVII, Ташкент, 1928.
22. Гафуров Б. Г., История таджикского народа в кратком изложении, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., изд. 3, испр. и доп., М., 1955.
23. Гафуров Б. Г., Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972.
24. Герасимов М. М., Основы восстановления лица по черепу, М., 1949.
25. Гинзбург В. В., Таджики предгорий,— Сб. МАЭ, XII, М.—Л., 1949.
26. Гинзбург В. В., Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э.— I тысячелетие

- н. э.), — «Труды Института этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954.
27. Гинзбург В. В., Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, — Тр. КАЭЭ, М., 1956.
 28. Гинзбург В. В., Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников, — КСИИМК, вып. 69, 1957.
 29. Гинзбург В. В., Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов, — КСИЭ, вып. XXXI, М., 1959.
 30. Гинзбург В. В., Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии (вторая половина I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.), — «Известия АН КиргССР», сер. общественных наук, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960.
 31. Гинзбург В. В., К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы (По материалам из Дальверзинского поселения), — МИА, 1962, № 118.
 32. Гинзбург В. В., Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов, — «Научные труды ТашГУ», вып. 235. Исторические науки, кн. 39, Ташкент, 1964.
 - 32а. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., Палеоантропология Средней Азии, М., 1972.
 33. Горбунова Н. Г., Культура Ферганы в эпоху раннего железа, АКД, Л., 1961.
 34. Горбунова Н. Г., Культура Ферганы в эпоху раннего железа, — АС, вып. 5, Л., 1962.
 35. Горбунова Н. Г., Новые материалы к истории ферганских поселений, — «Тезисы докладов сессии, посвященной методам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год», Л., 1964.
 36. Грантовский Э. А., Племенное объединение Parçui — Parçaya у Папины, — «История и культура древней Индии (к XXVI Международному конгрессу востоковедов)», М., 1963.
 37. Григорьев В. В., О скифском народе саках, СПб., 1871.
 - 37а. Григорьев В. В., Восточный или Китайский Туркестан, СПб., 1873.
 38. Давидович Е. А., Литвинский Б. А., Археологический очерк Исфаринского района, Сталинабад, 1955.
 39. Дебец Г. Ф., Проблемы происхождения киргизского народа в свете антропологических данных, — Тр. КАЭЭ, I, М., 1956.
 40. Дройзе И. Г., История эллинизма, пер. с франц. М. Шелгунова, т. 2. История диadoхов, М., 1893.
 41. Дьяконов И. М., История Индии от древнейших времен до конца IV века до н. э., М. — Л., 1956.
 42. Заднепровский Ю. А., Об этническом составе населения древней Ферганы, — КСИИМК, вып. 61, М., 1956.
 43. Заднепровский Ю. А., Древнеземледельческая культура Ферганы, — МИА, 1962, № 118.
 44. Заднепровский Ю. А., Туркские памятники в Фергане, — СА, 1967, № 1.
 45. Зезенкова В. Я., Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмени, — «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Ташкент, 1953.
 46. Зезенкова В. Я., Предварительный отчет об исследовании краинологического материала из раскопок курганов в Воруке (1952 г.), — «Труды АН ТаджССР», т. XXXV, Сталинабад, 1955.
 47. Иванов В. В., Топоров В. Н., Санскрит, М., 1960.
 48. Иностранцев К. А., Туркестанские осыриси и астадыны, — ЗВРАО, т. XVIII, СПб., 1907.
 49. Иностранцев К. А., О древне-иранских погребальных обычаях и постройках, — ЖМНП нов. сер., XX, № 3, СПб., 1909.
 - 49а. Исмагулов О., Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование), Алма-Ата, 1970.
 50. Кармышева Б. Х., Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, — КСИЭ, XXVII, 1957.
 51. Кармышева Б. Х., Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков (Историко-этнографические данные), — СЗ, 1960, № 1.
 52. Кармышева Б. Х., Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР, — КСИЭ, вып. 33, 1960.
 53. Кармышева Б. Х., К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана, М., 1964.
 54. Кисляков Н. А., Некоторые материалы по этнографии таджиков верховий Кашка-Дарьи, — «Труды АН ТаджССР», т. CXX, Сталинабад, 1960.
 55. Кияткина Т. П., Предварительное определение краинологического материала из могильников в Воруке, — АРТ, III, Сталинабад, 1956.
 56. Кияткина Т. П., О поездке в Апт в 1957 г. (краинологический материал), — АРТ, V, Сталинабад, 1959.
 57. Кияткина Т. П., Формирование антропологического облика населения Таджикистана, М., 1964.
 58. Кияткина Т. П., Формирование антропологического типа таджиков по антропологическим данным, АКД, Душанбе, 1965.
 59. Кияткина Т. П., Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным, канд. дисс., ркп. Института истории им. А. Дониша, Душанбе, 1966.
 60. Кляшторный С. Г., Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы, — АРТ, V, Сталинабад, 1959.
 61. Кляшторный С. Г., Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.
 62. «Корпус боспорских надписей», М. — Л., 1965.
 63. Ку А., Очерки Шагрисебского бекства, — «Записки РГО по отделению этнографии», т. VI, СПб., 1880.
 64. Лившиц В. А., Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962.
 65. Лившиц В. А., [Разделы главы:] Распад первобытнообщинного строя, — «История таджикского народа», т. I, М., 1963.
 66. Лившиц В. А., Надписи на фресках из Афрасиаба, — «Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии. 15 ноября — 20 ноября 1965 г.», Л., 1965.
 67. Лившиц В. А., Susano — Indica, — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сб. в честь Н. В. Пигулевской», М., 1967.
 68. Лившиц В. А., Письменность древней Ферганы (?), — НАА, 1968, № 6.
 69. Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М., О древней согдийской письменности Бухары, — ВДИ, 1954, № 1.
 70. Лившиц В. А., Луконов В. Г., Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, — ВДИ, 1964, № 3.
 71. Литвинский Б. А., Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Кара-Маарских горах, — АРТ, III, Сталинабад, 1956.
 72. Литвинский Б. А., Среднеазиатский гор-

- ный промысел в средние века (IX—XII вв.). Техника, — «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959.
73. Литвинский Б. А., «Сакп, которые за Согдом», — «Труды АН ТаджССР», т. СХХ, Сталинабад, 1960.
 74. Литвинский Б. А., Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, — ИТН, I, М., 1963.
 75. Литвинский Б. А., Средняя Азия в составе селенгидского государства, — ИТН, т. I, М., 1963.
 76. Литвинский Б. А. [Реп. на:] Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, — СА, 1965, № 4.
 77. Литвинский Б. А., Дикусский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы, — СА, 1967, № 2.
 78. Литвинский Б. А., Кангуйско-сарматский Фара (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии), Душанбе, 1968.
 79. Litvinsky B. A., Sakā Naumavargā в свете советских археологических исследований, — «Festschrift F. Altheim», Bd I, Berlin, 1969.
 80. Литвинский Б. А., Древние кочевники «Грифы мира», М., 1972.
 81. Литвинский Б. А., Курганы и курумы Западной Ферганы. Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии, М., 1972 (Могильники Западной Ферганы, I).
 82. Литвинский Б. А., Керамика из могильников Северного Таджикистана, М., 1973 (Могильники Западной Ферганы, II).
 - 82а. Литвинский Б. А., Украшения из могильников Северного Таджикистана, М., 1973 (Могильники Западной Ферганы, III).
 - 82b. Litvinskij B. A., Das K'ang-chü — sarmatische Farnah (zu den historisch-kulturellen Beziehungen der Stämme Südrusslands und Mittelasiens), — САJ, XVI, 4, 1972.
 83. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А., Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана), Душанбе, 1962.
 84. Лю Го-цзянь, Рассказ о китайской книге, М., 1957.
 85. Мандельштам А. М., О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье, — СА, 1954, № 20.
 86. Массон В. М., Древнеземледельческая культура Марганы, — МИА, № 73, 1959.
 87. Миклашевская Н. Н., Антропологический состав киргизского народа, АКД, М., 1955.
 88. Миклашевская Н. Н., Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии, — Тр. КАЭЗ, т. II, М., 1959.
 89. Миклашевская Н. Н., История распространения монголоидного типа на территории Киргизии, — «Научные труды ТашГУ», вып. 235, Ташкент, 1964.
 90. Негматов Н., Усрушана в древности и раннем средневековье, Сталинабад, 1957.
 91. Немецова Р. Л., Кулябские говоры таджикского языка (северная группа), Сталинабад, 1956.
 92. Неразв Е. Е., Предки таджикского народа в IV—V вв. н. э., — ИТН, т. I, М., 1963.
 93. Оранский И. М., Введение в иранскую филологию, М., 1960.
 94. Ошанин Л. В., Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1, Ереван, 1957.
 95. Ошанин Л. В., Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана, Сталинабад, 1957.
 96. Ошанин Л. В., Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 2, Ереван, 1958.
 97. Ошанин Л. В., Антропологический состав населения Сильзияна и этногенез уйгурского народа, — «Труды Института истории АН КиргССР», вып. V, Фрунзе, 1959.
 - 97a. Первозчиков И. В., Антропологический тип «кенколъцев», — ВА, 1967, № 25.
 98. Первозчиков И. В., К палеоантропологическому населению Алая в сакское время, — ВА, 1970, № 34.
 99. Пигулевская Н. В., Византизм на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв., М.—Л., 1951.
 100. Писарчик А. К., Кармышева Б. Х., Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, — ИООН АН ТаджССР, вып. 3, Сталинабад, 1953.
 101. Пьянков И. В., «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э., — ВДИ, 1965, № 2.
 102. Растрогуева В. С., Среднеперсидский язык, М., 1966.
 103. Растрогуева В. С., Бакаев Ч. Х., Исаев М. И., Керимова А. А., Пирейко Л. А., Типы двуязычия у иранских народов Советского Союза, М., 1964.
 104. Рычков Ю. Г., Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира), М., 1969.
 105. Серебряков И. А., Древнеиндийская культура. Краткий очерк, М., 1963.
 106. Ставиский Б. Я., Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), — ИТН, I, М., 1963.
 107. Сухарева О. А., К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки), Ташкент, 1958.
 108. Сухарева О. А., Бухара XIX — начала XX в. (Позднефеодальный город и его население), М., 1966.
 109. Толстов С. П., Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», — ВДИ, 1940, № 3—4.
 110. Толстов С. П., Древний Хорезм, М., 1948.
 111. Томсон Дж. О., История древней география, пер. с англ. Н. И. Скаткина, под ред. А. Б. Дитмара и Д. Г. Федера, М., 1953.
 112. Тревер К. В., Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI—IV вв. до н. э.), — «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950.
 113. Хромов А. Л., О роли экстралингвистических факторов в процессе взаимодействия языкового и таджикского языков, — «Язык и общество», М., 1968.
 114. Чейлытко В. Р., Местоположение древнего городища Кирополя, — «Коммунист Таджикистана», 4.IX.1940.
 115. Эшпиэзов М., Хардури, — «Ученые записки Таджикского государственного университета», т. IV, Сталинабад, 1956.
 116. Эшпиэзов М., Говор Хардури, АКД, Душанбе, 1967.
 117. Юсупов К., Языковые взаимоотношения узбекского и таджикского народов (на материале ферганского говора таджикского языка), Ташкент, 1957.
 118. Якубовский А. Ю., К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.
 119. Agra vala V. S., India as known to Pāṇini, University of Lucknow, 1953.
 120. Altheim F., Weltgeschichte Asiens im grie-

- chieschen Zeitalter, Bd I—II, Halle (Saale), 1947—1948.
122. Altheim F., Geschichte der Hunnen, Bd I, Berlin, 1959; Bd II, Berlin, 1960.
 123. Altheim F., Stiehl R., Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden, Lief. II, Frankfurt am Main, 1963.
 124. Altheim F., Stiehl R., Geschichte Mittelasiens im Altertum, Berlin, 1970.
 125. Bachhofer L., On Greeks and Sakas in India, — JAOS, vol. 61, № 4, Baltimore, 1941.
 126. Bailey H. W., To the Zamasp-Namak, I, — BSOS, 1920, vol. VI, pt I; To the Zamasp-Namak, II, — BSOS, 1931, vol. VI, pt. 3.
 127. Bailey H. W., Iranian studies, — BSOS, 1932, vol. VI, pt. 4.
 128. Bailey H. W., Kusanica, — BSOAS, 1952, vol. XIV, pt. 3.
 129. Bailey H. W., Analecta Indoscythica I, — JRAS, 1953, October; Analecta Indoscythica II, — JRAS, April 1954.
 130. Bailey H. W., Hārāhūna, — «Asiatica. Festschrift Fr. Weller. Zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern», Leipzig, 1954.
 131. Bartholomae Ch., Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904.
 132. Bartholomae Ch., Altiranisches Wörterbuch, 2. Unveränderte Aufl., Berlin, 1961.
 133. Beal S., Buddhist records of the Western World, vol. I, London, 1906.
 134. Benveniste E., La ville de Cyreschata, — JA, t. 234, années 1943—1945, Paris, 1947.
 - 134a. Bernard P., Les mortiers et pilons inscrits de Persepolis, — «Studia Iranica», t. I, fasc. 2, 1971.
 135. Bickerman E., The Seleucids and the Achaimenids, — «Accademia Nazionale dei Lincei», anno CCCLXIII, Quaderno № 76, Roma, 1966.
 - 135a. Bowman R. A., Aramaic ritual texts from Persepolis, Chicago, 1970 (OIP, vol. XCI).
 136. Burrow T., The Sanskrit language, London, [1955].
 - 136a. Cameron G. G., — apud E. F. Schmidt. Persepolis, II, Chicago, 1957 (OIP, LXIX).
 - 136b. Cameron G. G., Persepolis treasure tablets old and new, — JNES, XVII, 1958.
 137. Charpentier J., Beiträge zur indoiranischen Etymologie, — «Oriental studies in honour of C. E. Pavry», London, 1933.
 138. Chavannes E., Documents sur les Tou-kue (turks) occidentaux, CH6, 1903.
 139. Cunningham A., Coins of the Indo-Scythians, — NC, vol. VIII, London, 1888.
 140. Daffina P., L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana, Roma, 1967.
 - 140a. Daffina P., Chih-chih shan-yü, — RDSO, vol. XLIV, 1969.
 141. Dani A. H., Humbach H., Göbl R., Tochi valley inscriptions in the Peshawar Museum, — AP, vol. I, Peshawar, 1964.
 142. Eberhard W., Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas, Leiden, 1942.
 143. Eberhard W., The origin of the commoners in ancient Tunhuang, — «Sinologica», vol. IV, 1955, № 3.
 144. Eilers W., Kyros, — «Beiträge zur Namenforschung», Bd XV, Hft. 2, Heidelberg, 1964.
 145. Enoki K., On the nationality of the Ephthalites, — MRDTB, Tokyo, 1959, № 18.
 146. Fuchs W., Hwei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726, — SPAW, Jahrg. 1938. Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1938.
 147. Gabain A., Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, — «Anthropos», Bd 48, 1953.
 148. Gardner P., The coins of the Greek and Scythian kings of Bactria and India in the British Museum, London, 1886.
 149. Geiger W., Ostiranische Kultur im Altertum, Erlangen, 1882.
 150. Gershevitch I., Bactrian inscriptions, — «Indogermanischen Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft», 72, Bd 1—2. Hft Berlin, 1967.
 151. Ghirshman R., Les Chionites-Hephthalites, Le Caire, 1948.
 152. Göbl R., Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967.
 153. de Groot J. J. M., Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, II, Berlin und Leipzig, 1926.
 154. Gutschmid A., Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, Tübingen, 1888.
 - 154a. Hallock R. T., Persepolis fortification tablets, Chicago, 1969 (OIP, vol. XCII).
 155. Hansen O., Die Berliner Hephthalitenfragmente, — «La Nouvelle Klio», 1951.
 156. Haussig H. W., Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Prolemaios, — ZDMG, Bd 109, Hft. 1 (N. F., Bd 34), Wiesbaden, 1959.
 157. Henning W. B., The date of the Sogdian ancient letters, — BSOAS, 1948, vol. XII, pt 3—4.
 158. Henning W. B., Mitteliranisch, — «Handbuch der Orientalistik», I, 4, 1, Leiden — Köln, 1958.
 159. Herrmann A., Sakai, — RE, Zweite Reihe, Bd 1—2, Stuttgart, 1920.
 160. Herzfeld E., Zarathustra, — AMI, Bd I, Hft 2, Berlin, 1929.
 161. Herzfeld E., Zoroaster and his world, vol. I—II, Princeton, 1947.
 163. Herzfeld E., The Persian empire. Studies in geography and ethnography of the Near East. Ed. from the posthumous papers by G. Waiser, Wiesbaden, 1968.
 164. Hudud al-'Alam. «The regions of the world». A Persian geography 372. A. H. — 982 A. D. Transl. and explained by V. Minorsky, Oxford, 1937.
 - 164a. Junge P. J., Parikani, — RE, Hft. XXXVI, letztes Drittel, Stuttgart, 1949.
 165. Keith A. B., Classical Sanskrit literature, London, 1923.
 166. Kent R. G., Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon, New Haven, Connecticut, 1953.
 167. Kiepert H., Lehrbuch der alten Geographie, Berlin, 1878.
 168. Konow S., Kalawān copper-plate inscription of the year 143, — JRAS, 1932 October.
 169. Lassen Ch., Beiträge zur Kunde des indischen Altertums aus dem Mahābhārata. II. Die altindischen Völker, — «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd II, Göttingen, 1839.
 170. Lassen Ch., Indische Altertumskunde, Bd I, Leipzig — London, 1867.
 171. Litvinsky B. A., Outline history of Buddhism in Central Asia, Moscow, 1968.
 172. Lohuizende Leew I. E., The «Scythian» period. An approach to the history, art, epigraphy and palaeogeography of North India from the 1st century B. C. to the 3rd century A. D., Leiden, 1949.
 173. Marquart J., Untersuchungen zur Geschichte von Iran, — «Philologues», Bd 54 (N. F. Bd 8), Göttingen, 1895; Bd 55 (N. F. Bd 9), Göttingen, 1896; Zweites Heft (Schluss), — «Sonderdruck aus dem Philologues», Supplementband X, Hft 1, Leipzig, 1905.

174. Marquart J., *Eränsäht nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901.
175. Markwart J., *Die Sogdiana des Ptolemaios*, — «*Orientalia*», vol. 15, 1946.
- 175a. Mayrhofer M., *Onomastica Persepolitana*, Wien, 1973.
176. Müller K., *Weltkarte des Castorius genannt die Peutingerische Tafel*, Ravensburg, 1888.
177. Narain A. K., *The Indo-Greeks*, Oxford, 1962.
- 177a. Naveh J., Shaked Sh., *Ritual texts or treasury documents?* — «*Orientalia*», vol. 42, fasc. 3, 1973.
178. Nöldeke Th., *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen von Th. Nöldeke*, Leiden, 1879.
179. Pulleyblank E. G., *Chinese and Indo-Europeans*, — *JRAS*, 1966, pt 1—2.
180. Rapson E. J., *The Cambridge history of India*, vol. I. *Ancient India*, Ed. E. J. Rapson, Cambridge, 1922.
181. Rosenfield J. M., *The dynastic arts of the Kushans*, Berkeley — Los Angeles, 1967.
182. Rostovtzeff M., *Syria and the East*, — «*The Cambridge ancient history*», vol. VII, Cambridge, 1928.
183. Ruben W., *Einführung in die Indienkunde*, Berlin, 1954.
184. Salemann C., *Mittelpersisch*, — «*Grundriss der iranischen Philologie*», Bd I, Abt. 4., Strassburg, 1895—1901.
185. Sarre F., Herzfeld E., *Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus alt- und mittelpersischer Zeit*, Berlin, 1910.
- 185a. Schmitt R., *Medishes und persisches Sprachgut bei Herodot.* — *ZDMG*, Bd 117, Hft 1, 1967.
186. Smith V. A., *Catalogue of the coins in the Indian Museum Calcutta including the Cabinet of the Asiatic Society of Bengal*, vol. I, Oxford, 1906.
187. Sprengling M., *Third century Iran. Sapor and Kartir*, Chicago, 1953.
188. [Ptolemy], *Geography of Claudius Ptolemy*, transl. into English and edited by E. L. Stevenson, New York, 1932.
- 188a. Ptolemaios, *Geographie* 6, 9—21. *Ostiran und Zentralasien*, Teil I. *Griechischer Text neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von I. Ronga*, Rom, 1971.
189. Tarn W. W., Tarmita, — «*The Journal of hellenic studies*», vol. LX, 1940, London, 1940 (на обз. — 1941).
190. Tarn W. W., *The Greeks in Bactria and India*, 2nd ed., Cambridge, 1951.
191. Tschirikow V., *Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf Römerzeit*, Leipzig, 1927.
192. Thomas F. W., *Sakastana*, — *JRAS*, NS, vol. 38, London, 1906.
193. Thomas F. W., *The early population of Loulan-Shan-shan*, — «*The Journal of the Greater India Society*» 1944, vol. XI, № 2.
194. Vasmer M., *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven*, — «*Die Iranier in Südrussland*», Leipzig, 1923.
195. *The Vedic age*. Gen. ed. R. G. Majumder, London, 1957.
196. Watson B., *Records of the Grand historian of China translated from the Shih of Ssu-ma Ch'ien*, vol. II. *The age of Emperor Wu 140 to circa 100 B. C.*, New York — London, 1964.
197. Whitehead R. B., *Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahore*, vol. I, *Indo-Greek coins*, Oxford, 1914.
198. Wylie A., *Notes on the Western Regions*. Transl. from the «*Ts'een Han Shoo*», Book 96, pt 1, — *JAIGB*, vol. X, London, 1881.
199. Zgusta L., *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich der Verhältniss der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung*, Praha, 1955.

четлетия н. э. не испытывала значительных изменений, способных привести к отдаленным дивергенциям. Другими словами, этапы большого и длительного по времени миграционного пути на запад через Приаралье и долину Сырдарьи не отразились в форме древа, что свидетельствует о тесном общении близкородственных кочевых групп, населявших эти области.

Полученные при реконструкции родословного древа восточных башкир предварительные данные, интересные в плане этнической истории, требуют подтверждения и дальнейшей разработки с привлечением материала по западным группам башкир, а также другим популяциям Волго-Уральского региона, Средней Азии, Южной Сибири и Северного Кавказа.

Б. А. Литвинский

**«ЗОЛОТЫЕ ЛЮДИ» В ДРЕВНИХ
ПОГРЕБЕНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
[опыт истолкования в свете истории религии]**

Открытие богатейшего княжеского захоронения в Южном Казахстане (могилы «золотого человека», как писала пресса), в Иссыке, а затем поразительно богатых захоронений на Тилля-тепе («Золотом холме») в Северном Афганистане поставило целый комплекс очень сложных историко-культурных проблем. В этой статье мы намерены остановиться, с одной стороны, на самом факте почти сплошного покрытия покойников золотом — они были как бы одеты в «золотые одеяния», а с другой — на истолковании символично-мифологического смысла золотых и серебряных сосудов в этих погребениях и попытаться реконструировать круг верований, определявших особенности этого погребального обряда. Мы исходим из предпосылки, что погребенные в этнокультурном отношении принадлежали к восточным иранцам. Это совершенно бесспорно для сакского погребения Иссыка¹, а также для Тилля-тепе, если считать погребенных в нем бактрийцами (отнесение же тиллятепинских погребений к юэчжам переводит иранскую атрибуцию из бесспорных в категорию наиболее вероятных). Еще один аспект проблемы состоит в том, что, согласно данным лингвистических и археологических исследований, протоиранская волна на территории Средней Азии наслонилась на остатки предшествующей протоиндийской этнической волны². В результате в верованиях и обычаях восточных иранцев, особенно, как мы проследили в специальной работе, памирцев³, до новейшего времени сохранялись мифологемы и мифологические циклы, восходящие к протоиндийскому источнику. Учитывая это, а также предельно-фрагментарный характер материалов по древнеиранской мифологии, для объяснения различных явлений идеологической жизни восточноиранского населения Центральной Азии не только закономерно, но нередко и необходимо привлекать также древнеиндийские источники.

Несколько слов о самих погребениях. В кургане Иссык (IV в. до н. э.) на погребенном был богато украшенный золотыми бляхами и пластинами головной убор; «в мочке левого уха находилась золотая серьга с

¹ Об этнолингвистической позиции среднеазиатских сакских племен см. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972, с. 156 сл.

² Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981.

³ Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (I). — В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.

зернью и подвесками из голубой бирюзы; на шее — золотая кольчатая гривна; на теле — нижняя рубаха, орнаментированная по груди и рукам причудливыми узорами из сочетания золотых бляшек разных форм, поверх нее кожаный красноватого цвета короткий кафтан, сплошь обшитый золотыми бляхами и бляшками; на пальцах рук — два золотых перстня; кафтан подпоясан тяжелым наборным поясом, сверкающим шестнадцатью массивными бляхами-накладками, выполненными в зооморфном стиле; ...войлочные или кожаные сапоги с высокими голенищами, украшенными золотыми фигурными бляхами»⁴. Всего в погребении было найдено свыше 4000 золотых предметов, а также два серебряных сосуда⁵.

В погребениях на Тилля-тепе примечательны две специфические черты. Первая — на погребенных были одежды, украшенные золотым шитьем и золотыми нашивками, причем в каждой могиле было от 2500 до 4000 золотых бляшек, т. е. погребенные были облачены как бы в золотые одеяния. «...Скелеты буквально утопали под желтыми, искрящимися на солнце золотыми украшениями. Сотни и порой даже тысячи ярких золотых пуговичек, бляшек, колокольчиков, дисков с лазуритовыми, бирюзовыми, гранатовыми вставками были нашиты на погребальные одежды. Ткань была как бы соткана из золота — золотые нити и многие сотни жемчужин образовывали сплошной орнамент в виде побегов виноградной лозы»⁶. Вторая черта — «наиболее выдающихся лиц хоронили в золотых коронах, а под голову им укладывали серебряные или золотые сосуды». Датировка этих погребений, согласно В. И. Сариниди, — I в. до н. э. — I в. н. э.⁷

Первое истолкование обилия золота в погребениях вытекает из предположения, что они представляют собой царские захоронения или захоронения знати. Золото символизирует царскую власть. Действительно, в Шатапатха-брахмана (XXXIII, 2,2, 17) золото — форма (олицетворение) военной власти.

Далее. Царь (знать) — это один из составных элементов индоиранского мифологического цикла: *царь — огонь — золото*. По древнеиндийским верованиям, знаменитые цари превосходили все существа в силе, затмевали всех в блеске (Калидаса. Рагхуванша, I, 14). Согласно «Законам Ману» (7,6), царь подобен солнцу, он сжигает глаза и сердца, потому никто не может смотреть на него. Эпитет царя *pratāpin* означает, в частности, «горящий», «сияющий», в то же время «великолепный», «могущественный». В этом отношении он сравнивается с солнцем и с Агни — богом огня. Выдающиеся цари носили титулы *махатеджас* — «великий блеск (сияние)» или «великое могущество»; *амичатеджас* — обладающий «беспредельным блеском (сиянием)» или «беспредельным могуществом». *Теджас* (понятие, объединяющее физический и духовный аспекты «силы») царя сравнивается с *теджас* солнца, огня; о царе в источниках говорится «пылающий». Для понимания характера *теджас* важен пассаж в Калика-пурана (31, 40 сл.), в котором сообщается, что тело Вишну-кабана утратило силу, когда *теджас* ушло из него⁸. Таким образом, *теджас* обнаруживает параллелизм с иранским *фарном*, особенно царским *фарном* (о нем см. ниже).

Драгоценные украшения, помещенные в могилу, должны были не только символизировать власть царя (или представителя знати), но им придавалось и магическое значение. По индийским источникам, боги и

⁴ Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1972, с. 52.

⁵ Акишев К. А. Указ раб., с. 23, 31.

⁶ Сариниди В. Золото кушанской Бактрии. — Наука и жизнь, 1979, № 12, с. 33.

⁷ Сариниди В. И. Золото безмянных царей. — Курьер ЮНЕСКО, 1980, январь, с. 29. См. также: Sarianidi V. I. The Treasure of Golden Hill. — American Journal of Archaeology, V. 84. Princeton, 1980; *idem*. The Treasure of the Golden Mound. — Archaeology, V. 33, № 3, N. Y., 1980; *idem*. Le tombe ragali della «collina d'oro». — Mesopotamia, XV. Torino, 1980.

⁸ Gonda J. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden, 1966, p. 5, 14, 25—27, 35—36; Невелева С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М.: Наука, 1979, с. 18, 81—82.

царь владели семью сокровищами. В число их входили золото и драгоценные камни — царские украшения. Считалось, что они обладали магической силой, которая передавалась владеющему ими человеку, делала его способным правильно выполнять обязанности правителя⁹.

Особые отношения связывали правление, царствование со Шри — «красотой», «блеском», «благом», «счастьем». Уже в Шатапатха-брахмане (II, 4,4,6) царь женится на Шри — богине судьбы. У Калидасы (Рагхуванша, 3,36; 4,14) Шри описывается как пребывающая в царе. Поэтому он шримант — «владеющий Шри»¹⁰.

Обратимся к Ирану. В иранской традиции формула огонь (солнце) — золото — царская власть представлена в полном и неполном вариантах. Так, согласно одному из скифских преданий, при предках скифов — братьях Липоксае, Арпоксае и младшем Колаксае — якобы с неба упали на землю золотые плуг, ярмо, секира и чаша. Когда к этим предметам по очереди подходили два старших брата, золото воспламенялось и не допускало их к себе. При приближении же младшего, Колаксы, горение прекратилось, и он забрал вещи. «Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство» (Геродот, IV, 5). Согласно В. И. Абаеву, имя Колаксай — греческая передача скифского имени *Xola-xšaya, — восходящего к древнеиранскому Hvar-xšaya — «Солнце-царь»¹¹. В скифской генеалогической легенде¹² царь (буквально «Владыка Солнца») является обладателем происходящих с Небес золотых атрибутов; их принадлежность к Солнцу удостоверяется присущей им способностью при необходимости воспламеняться¹³.

Плутарх сообщает, что персы называют солнце словом «Кир» (Плутарх. Артоксеркс, 1). Этимология имени Кир (древнеперсидское Куруш) вызвала длительную дискуссию, которая еще не привела к окончательному решению, как и обсуждение самого сообщения Плутарха¹⁴. Как нам кажется, нельзя исключить предположения, что в словах Плутарха отразилось иранское представление о солнечной сущности царя (или основателя царской династии).

В отдельных источниках эта формула неоднократно выявляется в неполном виде. Основатель Ахеменидской империи, Кир II, согласно Ариобуду, был похоронен в своей гробнице в Пасаргадах в золотом саркофаге; там же находились золотое ложе (или ложе с золотыми ножками), застланное шкурами, выкрашенными в пурпурный цвет, золотые украшения, драгоценные сосуды (Страбон, XV, 3,7; Арриан, VI, 29, 5—7). Согласно Иосифу Флавию, «у парфян лишь цари могли спать

⁹ Gonda J. Op. cit., p. 38—39.

¹⁰ Gonda J. Op. cit., p. 46.

¹¹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 243; *его же*. Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965, с. 39—41.

¹² Детальный анализ этой легенды — см. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977.

¹³ В качестве параллели можно сослаться на нуристанскую мифологию. В происходящем на горе собрании богов, когда возник вопрос, кому принадлежат находившиеся там золотые ложе и трон, считавшиеся ранее общим достоянием всех богов, Имра объявил, что он, их владелец, занял ложе — и никто не посмел ему воспрепятствовать. Именно после этого (и благодаря этому) Имра стал верховным богом. См. Robertson G. S. The Kafirs of the Hindukush. London, 1896, p. 387; Snoy P. Die Kafiren. Formen der Wirtschaft und geistigen Kultur. Stuttgart, 1962, S. 133—134; Jettmar K. Die Religionen des Hindukusch. Stuttgart, 1975, S. 67. Скифские верования, отраженные в рассказе Геродота, вместе с тем соприкасаются с кругом индоевропейских верований, где блещущее золото идентифицируется с пылающим огнем. Поразительно близкую параллель дают славянские поверья: «Клад, как известно, есть огонь, потому что горит пламенем белым, красным, желтым, смотря по металлу. По польскому рассказу, каждая попытка одной пани взять горсть золота из клада ведет за собой пожар в одном из ее сел». См. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914, с. 175; Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. — В кн.: Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М.: Наука, 1973, с. 51.

¹⁴ Обзор точек зрения и ссылки на литературу — см. Gall H. Bemerkungen zum Kyrosgrab in Pasargadae und zu verwandten Denkmälern. — Archäologische Mitteilungen aus Iran. B. 12. Berlin, 1979, S. 275—276. Лингвистический анализ см. Абаев В. И. К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Kambojiaya, Cišpiš. — Этимология 1965. М.: Наука, 1967, с. 286—291.

на золотом ложе — это было привилегией и символом власти парфянских царей» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, XX, 3,3).

Царские одежды в древнем Иране были красными, но, когда царь выполнял жреческие функции, он надевал белые одежды. Согласно Квинту Курцию (III, 3,17), одежда царя была пурпурной «с белым центром». «Космическая позиция царя отражалась в его одежде»¹⁵.

Древние цари Ирана носили титул *фратадара* — «хранитель огня»¹⁶. У Аршакидов официальное обожествление царя происходило одновременно с его коронацией. Одновременно в г. Асааке (Астауэна) возжигался вечный огонь (Исидор Харакский. Парфянские стоянки, II). Таким образом, можно считать, что в г. Асааке существовал храм огня, в святилище которого вечный огонь возжигался в момент коронации¹⁷. Диодор Сицилийский (XVII, 114, 4) сообщает, что у иранцев гасят священный огонь, когда царь умирает.

Аполлоний Тианский был свидетелем того, как парфянский царь принес в жертву Солнцу белую лошадь нисайской породы (Филострат, I, 31). В сасанидское время приносили в жертву богу огня белых быков и оленей¹⁸. Современники сообщали, что в VII в. в сасанидской резиденции было изображение сасанидского царя, как бы помещенное на небеса, а вокруг — солнце, луна, звезды¹⁹. Согласно Аммиану Марцелину (XVII, 5,1), Шапур II в своем письме к императору Константину называл себя «царем царей, товарищем звезд, братом Солнца и Луны».

Как сообщает Бируни, «Джемшид любил странствовать по разным местам, и, когда ему захотелось побывать в Азербайджане, он сел на золотой престол и люди понесли его на своих шеях. И когда лучи солнца упали на Джемшида и люди увидели его, они восхитились и обрадовались, и объявили этот день праздником»²⁰.

Аналогичный обычай и однотипные представления существовали в Византии — имеется в виду византийский коронационный ритуал²¹, а также у многих других народов²², в том числе древневосточных²³. В средневековой таджикско-персидской поэзии восхваляемые цари сравниваются с «огнем», называются «Светочем», «Солнцем» и «Солнцем мира»²⁴. Как известно, «божественный статус иранских царей, как и идея их божественности, — общий индоиранский принцип»²⁵.

Индийские верования, как указывалось выше, находят соответствия и в иранских представлениях о хварне (фарне), в частности о царском фарне²⁶. Так, в Михр-яште (127) говорится: «Перед Митрой летит пылающий огонь, который является могущественным фарном кавиев»²⁷.

Из согдийско-манихейской версии сказки о Кесаре и ворах²⁸ явст-

¹⁵ Widengren G. The Sacral Kingship of Iran. In: The Sacral Kingship. Leiden, 1959 (Studies in the History of Religions. Supplements to Numen. IV), p. 255.

¹⁶ Widengren G. The Sacral Kingship, p. 251.

¹⁷ Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971, с. 215.

¹⁸ Widengren G. The Sacral Kingship, p. 251.

¹⁹ L'Orange H. P. Cosmic Kingship in the Ancient World. — In: The Sacral Kingship. Leiden, 1957 (Studies in the History of Religions. — Supplements to Numen, IV), p. 484.

²⁰ Бируни Абурейхан. Памятники минувших поколений. Избр. произведения. Т. I. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957, с. 226.

²¹ L'Orange H. P. Studies on the Iconography of Cosmic Kingship in the Ancient World. Oslo, 1953, p. 88—89.

²² Frankfort H. Kingship and the Gods. Chicago, 1958, p. 148—161; 307—310.

²³ L'Orange H. P. Studies..., p. 90 et al.

²⁴ Османов М.-Н. О. Стиль персидско-таджикской поэзии XI—X вв. М.: Наука, 1974, с. 95.

²⁵ Widengren G. The Sacral Kingship, p. 247.

²⁶ Это обосновал уже Г. Ломмель — см. Lommel H. Die Vāšt's des Avesta/Übersetzt und eingeleitet von Lommel H. Göttingen, 1927, S. 170—171; см. также: Duchesne-Guillemin J. Fire in Iran and in Greece. East and West. V. 13, № 2—3, Rome, 1962; Dumézil G. Mythe et épopée. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi. Paris, 1971, p. 284—286.

²⁷ Cershevitch J. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1967, p. 137, 278—279.

²⁸ Henning W. B. Sogdian Tales. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, V. XI, pt 3. L., 1945, p. 477—479. Бируни сообщает, что во время арабского завоевания была раскопана одна из гробниц (наусов) какого-то «царя из Хосроев», там

ует, что в согдийско-манихейской среде фарн воспринимался как муж, носящий царские одежды и царскую корону, причем присутствие фарна в гробнице рассматривалось как заурядное явление.

В этой связи следует указать на свидетельства, к которым впервые привлёк внимание Г. Виденгрена²⁹. Имеются в виду сообщения Фавстоса Бузанда и Моисея Хоренского о действиях одного персидского полководца, совершившего набег на Армению и захватившего несметные сокровища. По его приказу «...разрыли могилы прежних армянских царей — храбрых мужей Аршакуни, — и кости царей увезли в плен». Персидские воины объясняли это требованиями своей (т. е. иранской) религии. «Мы, — говорили они, — для того перевозим останки армянских царей в нашу страну, чтобы слава царей и счастье и храбрость этой страны вместе с останками царей перешли в нашу страну» (Фавстос Бузанд, V, 24)³⁰. В тексте источника средствами армянской письменности переданы среднеперсидские термины *фарн* и *бах*³¹. Именно поэтому, чтобы захватить царский фарн и царское счастье, считает Г. Виденгрена, стремились осквернить и разрыть царские гробницы (см. Геродот, IV, 127; Дион Кассий, XXVIII, I и сл.)³².

Таким образом, останки покойного правителя являются воплощением его фарна. Но у многих народов именно голова (череп) рассматривается как средоточие жизни, как местопребывание души. Поэтому в обширном спектре культур голова считается священной частью тела, она связывается со многими табу. В Шатапатха-брахмана (VI, I, 1, 2—6) жизненная сущность семи существ, из которых был создан Праджапати, сделалась его головой. По современным индусским верованиям, различные божества пребывают в разных частях тела, голова же — местопребывание Верховного Существа.

Разнообразные представления и обычаи, связанные с магическо-охранительной силой головы (черепа) покойного члена семейно-родовой группы, известны в Африке, Австралии, Меланезии и других регионах. В кельтской мифологии голова предков необычайно могущественна, она даже может защитить страну от вторжения³³.

Были представления такого рода и у древних народов Средней Азии и прилегающих областей, в частности у исседонов (Геродот, IV, 26)³⁴.

В кушанской Бактрии существовал культ человеческого черепа. При наших раскопках в низовьях Кафирнигана, на Хирман-тепе³⁵, в нише одного из помещений находился череп. Как любезно сообщил нам Л. И. Альбаум, в раскопанном им буддийском монастыре Фаяз-тепе (Термез) в нишу был поставлен череп на подставке из алебастра. Эти находки позволяют предположить наличие религиозной ситуации, связанной с почитанием черепа, близкой той, которая охарактеризована Геродотом для исседонов, и вместе с тем конкретизируют наши представления о кушанско-бактрийском зороастризме — эти находки вполне «вписываются» в систему зороастрийской религии³⁶.

была драгоценная корона. — См. *Ал-Бируни*. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 65.

²⁹ *Widengren G. Stand und Aufgaben der iranischen Religionsgeschichte.* — *Numen*. V. I, fasc. 1. Leiden, 1954, S. 57—58; *idem*. *The Sacral Kingship*, p. 254.

³⁰ История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1953, с. 112—113. См. также: *Моисей Хоренский*, III, 27 (Моисей Хоренский. История Армении/Пер. Эмина Н. О. М., 1893, с. 164—165; *Moses Khorenats'i. History of the Armenians*/Transl. by Thomson R. W. London, 1978, p. 282—283).

³¹ *Widengren G. Stand und Aufgaben...*, S. 57—58, Anm. 211.

³² *Widengren G. Stand und Aufgaben...*, S. 57—58.

³³ *Mac Culloch J. A. Head.* — In: *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, v. VI/Ed. by Hastings J. Edinburgh, 1913, p. 532, 535, 536; *Onians R. B. The Origin of European Thought*. Cambridge, 1954, *passim*.

³⁴ Об этом круге верований см. *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 35—37.

³⁵ *Литвинский Б. А.* Раскопки Южнотаджикистанского отряда в 1972 г. (Памятники Шаартузского района). — В кн.: *Археологические работы в Таджикистане*. В. XII (1972 г.). Душанбе, 1976, с. 84.

³⁶ *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепан-шах (культура и связи кушанской Бактрии) (в печати).

Все это позволяет высказать предположение, что в восточноиранской среде фарн царя (человека) сопоставлялся с его головой. Из верований такого рода вытекало, что именно на голову как на воплощение «пылающего фарна»³⁷ следовало надеть золотую корону, поместить ее в золотую (или серебряную чашу), ибо золото воплощало сияние, огонь³⁸.

Аналогичные представления были и в средневековом Иране, где корона и оружие, как следует из таджикско-персидской литературы — золотые³⁹; у греков золотые изделия и предметы считались символом царской власти (см., например, Илиада, I, 245 сл., I, 279; II, 100 сл.; II, 186; VI, 159, и др.). Такие представления существовали и в других традициях, например у древних египтян, народов Сибири и т. д.

Употребление «золотых одежд» как сакральных одеяний богов известно уже в Месопотамии, причем очень древнего времени; в Ассирии эти одежды, кроме того, были царской регалией. Сведения об этом впервые встречаются в надписи из Эшнунны, где говорится: «Одежда из золота для бога Тишпак». Изучение текстов приводит к заключению, что одежда, изготовленная для статуй богов, была сплошь покрыта маленькими золотыми украшениями: розетками, звездами, дисками, кольцами, растительными и зооморфными изображениями. Для починки или чистки их иногда снимали.

Изображения такого рода одежд в произведениях искусства появляются с XII в. до н. э. и продолжают существовать в месопотамской иконографии до ахеменидского периода.

Покрытые нашитыми золотыми бляшками одежды, по мнению Л. Оппенгейма, может быть, появились первоначально в Эламе, затем распространились в Месопотамии. Из нее они попали в Иран (из него, позже, в Византию), с другой стороны в Средиземноморье, а затем в Европу⁴⁰. Разумеется, вторая часть этого рассуждения весьма гипотетична, если не сказать — сомнительна. И в Средиземноморье, и у индоиранцев были свои традиции, связанные с царской властью, и лишь однотипность их (в этом отношении) привела к распространению у этих народов золотых царских одеяний.

Вполне вероятно, что при украшении царственных покойников огромным количеством золота в казахстанских и афганистанских погребениях доминировала именно эта идея (золото — символ царя, царской власти, царской судьбы и счастья — фарна); их буквально «завертывали» в золото. Но исчерпывается ли этим смысл помещения золота в могилу? Конечно, сейчас мы можем лишь строить догадки. Но некоторые детали погребений в сопоставлении с определенными мифологическими циклами заставляют думать, что такое объяснение не было бы исчерпывающим.

Тело божества огня Агни — «чистое золото» (Ригведа, 4.10.6)⁴¹. Авторы брахман также идентифицируют золото и огонь. Золото рассматривается ими как «семя Агни». Золото считается «светом Агни». В Шатапатха-брахмана (XIII, 4,1,7) золото на самом деле — огонь, свет, бессмертие. Уже в Ригведе (I, 46,10) солнце — эквивалент золота. В Шатапатха-брахмана (VII, 4, 1, 10) золотая пластина идентифицируется с солнцем. В других брахманах золото — местопребывание Агни и одно-

³⁷ Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968, с. 75—77; *Rosenfield J. The Dynastic Art of the Kushanas*. Berkeley and Los Angeles, 1967, p. 96, 198—199.

³⁸ *Onians R. B. Op. cit.*, p. 166. Впрочем, уже в XI в. рационалист Бируни писал: «...блеск чистого золота и его сияние под лучами солнца не удивительны» (*Ал-Бируни. Собрание сведений*, с. 225).

³⁹ Фарханги забони тоҷики, II, М.: Советская энциклопедия, 1969, с. 375; *Kowalski T. Studia nad Sāh-nāme. V. I—II*. Krakow, 1952—1953; *Hansen K. H. Die Krone in Sāh-nāme.—Der Islam. B. 31*. Berlin, 1953.

⁴⁰ *Oppenheim L. The Golden Garments of the Gods.—Journal of Near Eastern Studies*, V. VIII, № 3. Chicago, 1949.

⁴¹ *Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt von K. F. Geldner. I. Teil. (The Harvard Oriental Series. V. 33)*. Cambridge, Mass.—London. Nachdruck. Göttingen, 1978, S. 430.

временно его тело⁴². Золото — форма проявления не только Агни, но и других богов (Шатапатха-брахмана, X, I, 4, 9).

В древнеиндийском эпосе бог — «златоокий», «златокожий», на нем пурпурное одеяние, на голове золотая тиара, у него золотой панцирь и венки⁴³. Аналогичные верования были у древних греков⁴⁴. Древние иранцы верили, что, в частности, бог Вайу носит окрашенное в красный цвет одеяние с золотом, серебром и драгоценными камнями⁴⁵.

В древней Индии при церемонии *агничаяна*, согласно одному из описаний, при постройке алтаря огня, в частности, клали золотой лист, а на нем устанавливали обращенную на восток золотую человеческую фигуру. Считалось, что эта скульптура воспроизводит божества Праджапати, Агни и бессмертную сущность самого жертвователя (Шатапатха-брахмана, 7,4,1,15). Затем под пение соответствующих священных текстов осуществляется церемония почитания статуи⁴⁶.

Золото может составлять и *сущность* некоторых людей. В Шатапатха-брахмана (VII, 4,2,17) в отношении церемонии *агничаяна* говорится следующее: божественное тело жреца — это золотой человек, а «этот кирпич (сделанный из глины) — его человеческое тело». «Золотой человек, его бессмертная форма, его небесная форма». Жрец, производящий церемонию *агничаяна*, обожествляется: «он рождается в ином мире как сделанный из золота» (Шатапатха-брахмана, X, I, 4,9). Он при этом уподобляется Праджапати, окончательной формой которого было золотое тело⁴⁷.

Ашвагхоша в «Жизни Будды» (I, I, 14), характеризуя только что родившегося младенца — будущего Будду Шакьямуни, сообщает, что его тело было лучезарно, подобно солнцу и сияло золотом. Далее (I, I, 45) говорится, что оно было золотого цвета⁴⁸. Вообще в ранней буддийской литературе Будда носит эпитет «цвета золота». Позже в соответствии с предпосылкой, что золото — признак необычайной духовной просветленности, все изображения Будды делались позолоченными⁴⁹.

Но и обычный человек, который жертвовал кусок ткани с привязанным куском золота, полагал, что он получит место в мире богов. В одном тексте прямо говорится, что тот, кто дает золото брахманам, должен превратиться в свет и жить на небесах⁵⁰. Весь этот круг представлений — лишь одно из проявлений более широких и глубоких концепций.

Человек, по индийским (вероятно, по индоиранским) представлениям, имел «огненную» сущность, обладал «огненной» субстанцией. Некоторое представление об этом дает Брихадараньяка Упанишада. Внутри человека находится огонь — Вайшнувара (V, 9, I). «Поистине человек, Гаутама — это огонь. Открытый рот — его топливо. Дыхание — дым. Речь — пламя. Глаз — угли. Ухо — искры» (VI, 2,12). Когда же человек умирает, «то его несут к (погребальному. — Б. Л.) огню. ...На этом огне боги совершают подношение человека. Из этого подношения возникает человек, покрытый сиянием» (VI, 2,14). Считалось, что весь

⁴² Gonda J. Background and Variants of the Hiranyagarbha Conception.— Studies in Indo-Asian Art and Culture, V. 3, New Delhi, 1974, p. 40—41, 43.

⁴³ Невелова С. Л. Вопросы поэтики..., с. 11—12.

⁴⁴ Onians R. B. Op cit. Мотив золотоволосого юноши, наделенного богатырской силой, широко распространенный в сказках Европы, Индии и др. (Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 243), очевидно, восходит к этому источнику.

⁴⁵ Wikander S. Vayu, I. Lund, 1942, S. 29; Widengren G. Die Religionen..., S. 39.

⁴⁶ Widengren G. Die Religionen..., S. 192. Сводку источников об этой церемонии см. Sharma G. R. The Excavations at Kauśāmbi (1957—1959). Allahabad, 1960, p. 129—189.

⁴⁷ Gonda J. Background..., p. 43.

⁴⁸ Beal S. The Fo-sho-hing-tsan-king. A Life of Buddha by Asvaghosha Bodhisattva/Translated from Sanscrit into Chinese by Dharmaraksha, A. D. 420 and from Chinese into English by S. Beal.— The Sacred Books of the East. V. XIX. Oxford, 1883, p. 3.

⁴⁹ Tucci G. Buddhism.— Encyclopedia of World Art. V. I. N. Y., Toronto, L., 1958, p. 689 (на эту статью мое внимание обратила Е. Огнева).

⁵⁰ Gonda J. Background..., p. 43—44.

мир — это жертвенный огонь (VI, 2,9). Сожжение покойника — это приобщение его к универсальной стихии огня⁵¹.

В. Н. Топоров любезно обратил мое внимание еще на один аспект проблемы, которую он сформулировал следующим образом. Смерть царя = заходу солнца. В греческой традиции солнце = царю, оно царствует, т. е. светит. Параллелизм царя и солнца переносится в загробный ритуал. По бокам мертвого царя кладутся изображения солнца; на гробнице рисуют солнце. Золото и особенно круглые золотые предметы могут воплощать солнце. Мертвый царь уподобляется зашедшему солнцу. Как взойдет (возродится) солнце, так возродится и царь. Царь золотой, так как он воплощение солнца на земле⁵².

Весь этот обширный круг представлений был связан и с представлениями о загробном мире. По иранским верованиям, лучи сияющего солнца должны падать на покойника — иначе у него нет надежды достигнуть рая (Видевдат, 5,13,7,45; пехлевийский Риваят, CXVIII). Существовало представление о тропе из солнечных лучей, ведущей на Небеса⁵³. Огонь, как показывает эпизод с Кэрэсаспой (Денкард, IX, 15,3), может разрешить или не разрешить душе подняться на Небеса.

Но огонь был связан с загробным миром и в другом отношении: в «Гатах» он называется «Красный Атар» и упоминается в рассказе о Страшном суде (Ясна, LI, 9).

В ряде манихейских текстов на парфянском языке душа праведника, поднимающаяся на Небеса, вступает в зал и получает трон и корону. Мани при своем путешествии на небо обретает одеяние, сияющую корону и красивую диадему⁵⁴. Эти дары соответствуют тем, что вручаются душе в Каушитаки Упанишада. «Это совпадение, — замечает Г. Виденгрэн, — подчеркивает, что здесь мы встречаемся еще с индоиранскими представлениями»⁵⁵.

Поразительно интересно в этом плане сообщение Ктесия о том, что саки над могилой своей царицы Заринеи соорудили гробницу, надгробие которой имело вид огромной пирамиды. Над ней «возвели ее колоссальную золотую статую, воздали героические почести и всякие другие...» (Диодор, II, 34, I). Выражение «всякие другие», возможно, говорит о сложных ритуальных действиях, связанных уже с ее другим, «божественным» качеством. (Представление о характере таких ритуалов и соответствующих им верованиях в этнически родственной среде дают приведенные ниже сведения из индийских источников, где также говорится о золотой статуе.)

Значительно позже, в X в., Мардавидж бен Зийар (ум. в 935 г.) воспринял царские эмблемы домусульманских правителей Ирана: золотой трон, золотую корону и др. Секретари и астрологи рассказали ему, что царь всемирного царства должен иметь желтые ноги и особые отметины на теле. И Мардавидж провозгласил, что его ноги золотистого цвета и поэтому он — монарх для всех⁵⁶. Следовательно, на протяжении огромного исторического периода, от Ахеменидов до средневе-

⁵¹ В этом отношении показательно, что у хеттов место ритуального трупоположения *ukturi* «называлось термином, образованным от *ukturi* („вечный“, „постоянный“ „постоянный огонь“), — см. Иванов В. В. Культ огня у хеттов. — В кн.: Древний мир. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962, с. 272; прим. 35. Интересен анализ проблемы идеологических представлений, связанных с трупосожжением, — см. Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и раннее средневековье). М.: Наука, 1976.

⁵² Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топорову за ценные консультации.

⁵³ Boyce M. A. A History of Zoroastrism, V. I. — In: Handbuch der Orientalistik. VIII, I, 2, 2a. Leiden — Köln, 1975, p. 328.

⁵⁴ Wikander S. Op. cit., S. 43—48; Widengren G. Die Religionen..., S. 30, 194—195.

⁵⁵ Widengren G. Die Religionen..., S. 38.

⁵⁶ Widengren G. The Sacral Kingship, p. 249; Minorsky V. La domination des Dailamites. — In: Minorsky V. Iranica. Teheran, 1964, p. 17—18, 23; Bosworth O. E. The Heritage of Rulership in Early Islamic Iran and the Search for Dynastic Connections with Past. — Iranian Studies, 1978, v. XI, p. 19—20.

ковья, в Иране не только существовало представление о солярной сущности царя, но его также отождествляли с золотом⁵⁷.

Для нашей темы очень важна одна из манифестаций этого цикла верований, а именно что золото в ведическое время рассматривалось как жизнь, собственно *прана* — жизненная сила или еще более часто — «продолжительность жизни, полный жизненный цикл, так называемое бессмертие»⁵⁸. По зороастрийским же мифам, где главенствует идея не о золоте, а об огне, последний существует во всех созданиях. Семя всех живых существ (человека и животных) происходит из огня. Природа солнца — также огонь⁵⁹.

При ритуальном возлиянии *махиман*, при ашвамедхе, две чаши с сомой предназначаются для Праджапати. Они олицетворяют царское достоинство и наливаются соответственно в золотой и серебряный сосуды (Шатапатха-брахмана, XIII, 2,23; XIII, 5,3,7). В других источниках лицо или реальная форма Пуруши (Пушана) покрыто или скрыто золотым сосудом⁶⁰. Исходной формой космогенеза является золотое яйцо, в котором возникает Пуруша (Законы Ману, I,9—13).

Следует иметь в виду, что не только золото, но и серебро играло значительную роль в индийской мифологии. Чхандогья Упанишада (III, 19) рассказывает, что мир, начав свое существование, превратился в яйцо. Из его серебряной половины образовалась земля, из золотой — небо.

Но и у древних иранцев сосуд (чаша) имел сакрально-магическое значение (реликты таких представлений сохранились у осетин), являлся атрибутом жреческого сословия⁶¹. Среди предметов, упавших с неба, согласно скифской легенде Геродота (IV, 5), была и золотая чаша (см. выше). В средневековой иранской литературе чаша — одно из воплощений царского фарна⁶².

Реликтом древних представлений и обычаев, связанных с чашей, является употребление современными иранскими зороастрийцами в поминальном культе бронзовой чаши, внутри которой выгравировано имя покойного друга или родственника⁶³.

В «Атхарваведе» описывается церемония, обеспечивающая ритуальное соединение царя с золотым яйцом⁶⁴. Важное место занимают действия, связанные с золотым сосудом. Для выполнения церемонии царь садится в этот сосуд, а выйдя из него, прикрывает его золотым колесом. «Несомненно, — пишет современный исследователь, — в этом процессе ритуального возрождения момент пребывания в золотом сосуде является существенным. Это напоминает следующее ритуальное предписание: что человек, долго отсутствовавший и считавшийся умершим, после своего возвращения должен был совершить ритуал возрождения в золотом (или глиняном) сосуде, наполненном расплавленным маслом и водой»⁶⁵.

⁵⁷ Интересно, что в памятниках таджикско-персидской поэзии слово «зар» наряду со значением «золото» имело и другое — «старик», «старуха», например, в стихах Дакики, — см. Фарҳанги забони тоҷики. I. М.: Советская энциклопедия, 1969, с. 438—439.

⁵⁸ Gonda J. Background..., p. 41.

⁵⁹ Boyce M. Op. cit., p. 140—141.

⁶⁰ Gonda J. Background..., p. 49. О других индийских представлениях о сакральной роли сосуда см. Shellgrove D. L. The Notion of Divine Kingship in Tantric Buddhism. — In: The Sacral Kingship, p. 202—208. В качестве параллели можно привести следующее. Как сообщили капитану Ф. Бартону, в момент находки Амударьинского клада на золотую скульптурную голову безбородого мужчины была надета полусферическая золотая чаша (Dalton O. M. The Treasure of the Oxus. London, 1964, p. 3, 9).

⁶¹ Dumézil G. La préhistoire Indo-Iranienne des castes. — JA, 1930, t. 216, № 1—2, p. 120—123.

⁶² Coşayee J. C. Studies in Shāhnāme. Bombay, 1939, p. 53—54.

⁶³ Browne E. G. Year amongst the Persians. Cambridge, 1927, p. 410—411.

⁶⁴ Gonda J. Background..., p. 49. См. также: Caland W. Die Altindischen Todten und Bestattungsgebräuche. Amsterdam, 1896, S. 89; Kane P. V. History of Dharmaśāstra. V. IV. Poona, 1953, p. 225. Об этой концепции см. Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок). — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, В. 198. Тарту, 1967.

⁶⁵ Gonda J. Background..., p. 49.

Таким образом, иранская традиция, сохранившаяся значительно хуже, все же по ряду позиций стоит в одном ряду с древнеиндийской, а многие элементы должны иметь общиндоевропейское происхождение, ибо зафиксированы также в нуристанской, древнегреческой и иных традициях.

Итак, символика этих погребений состоит из сочетания нескольких слоев верований. К представлению о золоте как символе социального и общественного статуса присоединяются другие, связанные с тем, что золото представляет внутреннюю, божественную сущность знатного погребенного, которая остается после исчезновения земного олицетворения.

Именно в этой связи можно рассматривать помещение головы покойника в могиле в золотом или серебряном сосуде⁶⁶ — это должно было обеспечивать безусловное возрождение или более высокую (полную) степень такого возрождения отдельных социально маркированных покойников. Вероятно, той же цели служили и помещаемые в той или иной части могилы сосуды из золота (серебра), а также золотая корона (венцы).

⁶⁶ Во многих мифологических традициях, говоря словами С. Ю. Неклюдова, «...в оппозиции „золото/серебро“ не только правый член является слабоакцентированным, но и само противопоставление может остаться совершенно невыраженным, передавая идею не контраста, а повтора с вариацией» (Неклюдов С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота — *Etnografia Polska*, Т. XXIV, з. 1, Warszawa, 1980, p. 91).

А. Н. Кожановский

ИСПАНИЯ: НОВЫЙ ЭТАП ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В Испании во второй половине 70-х годов произошли события, резко изменившие направленность ее внутривнутриполитического развития и непосредственно затронувшие национальный вопрос в стране. Не случайно столь большое значение придается здесь сейчас предоставлению автономии отдельным регионам. Связь между политическим статусом территории проживания той или иной этнической общности и обликом этой общности достаточно очевидна. Признание самобытности данной группы, ее права на защиту и культивирование своих специфических черт (в том числе языка или диалекта), в том случае, когда это отвечает устремлениям самих членов группы, ведет к ее сохранению и консолидации. Напротив, весьма существенный ущерб наносит этнической группе противоположное отношение, получившее в той же Испании, в сравнительно недавнем прошлом, свое выражение в декларировании существования «единой испанской нации», в частности оправдывавшем политику насильственной ассимиляции в отношении «малых народов» этой страны. И все же политический статус обычно оказывает свое действие лишь как одна из составляющих в сложном комплексе причин, определяющих общую тенденцию этнического развития, причем эта тенденция может не совпадать с направлением действия «политического фактора» и даже быть противоположной ему. Примерно такая ситуация сложилась в Испании в годы существования франкистского режима.

Резкое ухудшение экономического положения Испании во второй половине 50-х годов вынудило ее тогдашнее правительство изменить направленность внутренней политики. Началась перестройка экономики по «классическому» капиталистическому образцу, с тем, чтобы сделать